Intro

Представьте себе маленькое изящное колесико. Как у кареты Золушки в той самой сказке – с вензелями, с причудливой гравировкой. Что там изображено? Прекрасные птицы? Сказочные звери? Неведомые существа? Это колесико крутится в полной темноте, в бесконечном пространстве. Без оси – само по себе. Медленно вращается под сопровождение музыки, которая обычно доносится из старинных шкатулок. Его обод с внешней стороны сплошь облеплен сапфирами, изумрудами, бирюзой. Камешки мелкие, но сверкают до невозмож-

ности ярко! Они ослепляют и в то же время заставляют собою любоваться.

Колесико вращается так медленно, что можно рассмотреть блестящие пылинки, каждую из них, хотя их бесчисленно много на его поверхности. Кто клеит столь чудесные драгоценности к нашему колесику? Там – в темноте и пустоте? Надо признать, мы этого не знаем, читатель. Ни ты, ни я. Я знаю лишь, кто на это великолепие смотрит. Расскажу и тебе. В свое время.

Здравствуйте, мои! Сколько же сложных красивостей наговорил этот недоумок. Колесико, сапфиры, блестящие пылинки – полное дерьмо. Отныне говорить с вами буду я. Зовите меня просто – Умный. Видите ли, сегодня умному нельзя напрямую так себя называть. Люди мнутся, шаркают ножкой, лицемерят, несут слюнявый бред вместо того, чтобы просто сказать: да, я умный. Умный – и все тут. Мне проще. Вы меня не знаете, лица моего не видели – так что извольте. Давайте познакомимся. Умный.

Для начала мне хотелось бы представить вам Алекса и Нину, эту великолепную пару любящих друг друга людей. В первой главе вы узнаете, как Алекс и Нина легко и весело, но в то же время со смыслом проводили время вместе, как сильны были их взаимопонимание и чуткость друг к другу. Я поведаю вам, как исступленно Нина любила детей, а Алекс желал стать добрым христианином.

Сколько живу на свете, с каждым днем убеждаюсь все больше: как это прекрасно – иметь рядом родственную душу, жить в ощущении счастья, уважать друг друга. Право, об этом можно только мечтать! Лишь грезить и ничего более! Но этим двоим повезло. Ты перебил! Ты снова меня перебил! Дай мне закончить! *Тихо, заткнись, все уже начинается…*

Голос лампочки

Алекс скользил, как полудохлый угорь.

Елозил туда и сюда по ляжке Нины. Она притворно постанывала, не хотела обижать его молчанием. Ей было досадно, она снова не понимала – почему он трется об ногу, почему не входит в нее. Никогда не входит внутрь.

Комок простыни забился под живот, лежать было неудобно. А он водил по коже все быстрее, словно спешил.

Потом сбавил темп. Стонал дико, улыбался криво.

– Тебе приятно? – спросил шепотом.

– Да, – соврала Нина, – но ты можешь сделать мне еще приятней…

– Неужели? Куда ж еще приятней?

Нина притворно закатила глаза:

– Зачем же снаружи, когда можно внутрь…

Алекс прикрыл веки, выпятил губы, нахмурился. Лоб покрылся буграми и рытвинами, словно Голгофа после ливня.

Выдохнул. Больно схватил Нину за волосы:

– Послушай, невеличка. Откуда тебе знать, как нужно? Вот откуда, а? Тебе что, мама об этом в детстве рассказывала? Или папа в книжках читал? В школе учительница биологии говорила? Оставляла после уроков и рассказывала: «Ниночка, когда ты вырастешь, с тобой всякое может случиться! Знаешь, есть на свете такие ублюдки, которые могут раздеть, поставить раком, и как только ты закроешь глазки в предвкушении, ничего не произойдет – тебе лишь пощекочут елдыганом задницу, и на этом все закончится». Да? Говорила учительница? Или вам в институте это преподавали?

Нина дернулась, он отпустил ее волосы. В его взмокшей ладони остался небольшой клок.

Повернулась на спину, прижалась к изголовью кровати, поджала колени:

– Милый, я прошу…

Алекс навис над ней, тыча указательным пальцем Нине в лоб:

– Что ты просишь? О чем ты, невеличка? Ты думаешь, я не знаю, что надо делать? Я, по-твоему, самец медузы? Мне не нужны твои комментарии, слышишь? Сама ты медуза. Мне не нужно твое смехотворное мнение.

Он сунул руку под подушку, достав оттуда блестящий Colt Python, и приставил дуло к уху Нины.

– А может, ты этого хочешь? Холодненький, да? В одно ухо влетит, из другого вылетит, а? Прямо как знания школьницы.

Нина задрожала, сглотнув волну слюны.

Алекс смотрел на нее молча, словно искал что-то в лице ее. Медленно наклонял голову, изучал. Затем поцеловал Нину в щеку, в глаз, в губы, в другую щеку. Он целовал ее лицо все быстрее, безумнее. И все сильнее прижимал дуло пистолета к ее уху.

Заулыбался. Кривляясь, пропел детским голоском:

– Девка клевая, колоритная, Нина глядная, Нина сытная… ла-ла, ла-ла…

Сейчас же посерьезнел, словно разозлился на себя:

– Расскажи, как это было с ним. С этим твоим извращугой, который молился воронам. Рассказывай или пулю съешь. А она – живая… Разрастется внутри как опухоль. И ни один врач не вырежет. Только сунет в тебя свой нож, а пуля в него – бу!

– Прекрати юродствовать, ты похож на отрыжку клоуна, – она играла в спокойствие. – Ты же знаешь, он был болен.

– Да нет, я не знаю. Откуда мне? Почем мне знать, от тебя всегда одни полунамеки. Слушай меня. Я просто хочу знать. Просто знать. На что мистер дохлый ворон тебя натягивал. Или куда натягивал. Ревности нет. Это не ко мне.

Есть интерес. И азарт. Ты никогда мне не рассказывала. Допустим, про болезнь его я знаю. Что редкая была, тоже знаю. Но в чем заключалась конкретно? Вот что мне нужно.

Нина молчала, прикрыв глаза, покусывая губы.

– Никаких секретов, помнишь? Ни-ка-ких, – Алекс хамовато ухмылялся.

– И это мне говорит человек, о котором мне почти ничего не известно? Это ты мне говоришь про «никаких секретов»?

– Я и ты – разные планеты. Разные системы. Разные туфли.

– Но на одной ноге…

– Не начинай. Говори. Рассказывай.

Нина задумалась:

– Да вот понимать бы, с чего начать. Все это было странно. И шутки твои эти… знаешь…

– Как он тебя имел, милая, я прошу. Расскажи мне ваши семейные тайны…

Она причмокнула с грустью, расширила глаза:

– Не натягивал он. Никуда и ни на что. Не так это было.

– Очень никогда!

– Я сейчас обделаюсь от твоей тупости. Загажу любимый ковер.

– Слишком никогда!

Она потупилась, смирилась. Стала говорить медленно, словно украдкой вылавливала каждое слово из мутного озерца памяти:

– Он… коллекционировал изображения ворон. Он считал, что жизнь на земле произошла от них. До сих пор содрогаюсь… он считал так безо всяких доказательств. Согласно личным убеждениям и навязчивой вере. Понимаешь, он верил, что ворона – причина возникновения всего сущего. Сознание, материя, ум… Все это заключено внутри глобальной вороны-матрицы.

Алекс закашлял сквозь хохот:

– И ты не рассказывала мне этого раньше?! Да как тебя земля носит?! Да как свежий воздух мирно трахает твои легкие?! Да как фотоны попадают тебе на сетчатку?! Так, – Алекс попытался стать серьезным, чтобы окончательно не обидеть Нину, – а почему он коллекционировал именно изображения ворон, а не, скажем, их чучела?

Нина хмыкнула:

– Ты можешь представить себе христианина, который не иконы с изображением Иисуса повесил дома на стену, а чучело самого Иисуса?

– Ох как ты дала! Ох и в темечко! Ох и в сплетеньице... Чучело Иисуса! Гореть тебе в пламени адском за такое, проклятая грешница! Ведьма, ты воняешь серой!

Пропустила мимо ушей, продолжала:

– Естественно, он изучил, как вороны занимаются сексом. Он знал об этом все. Но всегда помнил и повторял, что апостола Петра распяли вниз головой. То есть Петр считал себя настолько недостойным Господа, что попросил не распинать его так же, как Христа.

Мой муж этим восхищался… Он боготворил Петра. Единственного из людей. В общем, о том, чтобы заниматься сексом так, как это делают вороны, не было никакой речи. Но… своим перебитым надвое разумом он придумал концепцию того, как занимаются сексом изображения ворон. Он все продумал до мелочей. Даже разработал целую систему, какая бумага с какой может соприкасаться, в какие дни и часы. Какая картина, гравюра, открытка, этикетка – что угодно! Он написал целую работу, десятки страниц.

Как только он завершил концепт, его неприятно осенило: так же, как изображения ворон, он сексом заниматься тоже не может! Он – всего лишь человек. А значит, хуже, грязнее, мельче, чем даже изображение вороны.

Нина умолкла, окунувшись в раздумья. Волосы нехотя упали на глаза.

– И? Дальше. Дальше, невеличка.

– А дальше… он разработал систему. Отражение изображения вороны… Он мог со мной трахаться только в качестве отражения изображения вороны. Точнее – ворона.

– И каким же образом?

– А тут как раз все еще сложнее. Он смастерил два квадратных щита из алюминия. С двух внешних сторон крепил на них по белому баннеру, где был изображен черный ворон с эрегированным членом. Причем член был человеческим. Он срисовал его со статуи какого-то жирного китайского божка. Сам член был гораздо длиннее всего тела идола. Он крепил алюминий на руки, подобно щиту – просовывая кисти в петли. Спереди и сзади были аналогичные изображения, только поменьше.

Потом я устанавливала зеркало – оно было точь-в-точь таким же по размеру, как и площадь щита. И все. Вот и все. Нравится?

– Как и все? Ты что? А сам трах-тибидох? Само действо?

– О! Тут как раз все просто. Я лишь командовала: «Арк».

– Почему арк? Что это за слово?

– Кар наоборот – будет рак, да? Но ведь, с его точки зрения, человек не имеет ни малейшего дозволения сказать слово «кар» даже наоборот. Он переставил буквы – и получилось «арк». Это как бы не кар и не рак, а нечто среднее между ними… анаграмма.

Алекс присвистнул:

– Вот это талант, вот это умище.

Нина поплыла ко дну воспоминаний:

– Потом он начинал двигаться, изображая фрикции. А я корячилась у зеркала, чтобы нарисованный пенис хотя б примерно попадал туда, куда надо. Сам-то он из-за огромных щитов ничего не видел.

– Супруги должны доверять друг другу! – Алекс захохотал.

– … а потом он кончал. И прыгал, прыгал, прыгал. И кричал: «Отражение изображения ворона в очередной раз поимело живую человеческую бабу! Арк, арк, арк, арк…»

Алекс хохотал, задрав голову к потолку. Округлые мышцы взбугрились, словно волны океана.

– Зря гогочешь. Сам-то что? Трешься, как жухлая морковка о терку. Намного лучше, что ли?

Алекс не унимался, макая слова в смех:

– Слушай, теперь я буду тереться об изображение твоих ягодиц… Я же… я же… недостоин… не… недостоин. Отражение изображения невеличкиной жопы. Ха… ха-ха-ха-ха!

Он бросился к ней. Уже не целовал – кусал, облизывал, оставляя слюну на щеках.

Стонал:

– Дорогая моя, хорошая… Милая моя… Давай еще. Давай сделаем это еще… Начнем снова, все сначала… Давай вот так…

Алекс убрал дуло от ее виска и стал медленно водить им по ляжке.

Шептал с улыбкой:

– Вот видишь, как? Видишь? Вот так, да, вот так… Как приятно. Моей девочке приятно, не кому-нибудь. Конечно, приятно. Сильно приятно…

Нина перестала дрожать, стала медленно облизывать губы, открывая глаза наполовину и снова смыкая их. Она покачивалась в такт его движениям. Выпрямила ноги, развела их в стороны, сползла чуть ниже.

– Мой хороший… Боже… Как хорошо…

Алекс швырнул пистолет на пол:

– Говори мне, говори… Я… Я приму каждое твое слово, как новорожденного младенца на руки. Говори же…

Расскажи мне… Я должен знать все, что ты видела вчера в камере. Я купил ее только для тебя, – он сложил руки на груди в молитвенном жесте, притворно закатил глаза, – да возрадуется, сидя на своих кислотных облаках, благословенный Учитель Джон…

Нина несколько раз вздохнула, закрыла глаза. Веки запорхали как крылышки.

Начала говорить, но будто сомневалась в каждом звуке, слоге, слове:

– Когда я вошла туда, внутри было почти темно. Лишь одна тусклая лампочка мерцала высоко под потолком. Ее свет словно сообщал мне что-то. Сначала казалось, что она просто моргает. Потом я будто проникла в ее таинственный язык. Я даже услышала голос – голос лампочки. Он был похожим на… звуки, издаваемые младенцем. Я приложила столько усилий, чтобы понять его сообщения. Точно знала – они исполнены смысла. Но стоило пониманию прикоснуться к краешку моего разума, как голос стихал, а лампочка снова становилась просто мигающей лампочкой. Понимание было совсем рядом, но ускользало в последний момент.

Алекс встал, положил на столик пистолет, надел футболку и трусы, сел в кресло, налил себе стакан грейпфрутового сока.

Голос Нины зазвучал более уверенно:

– Я медленно пошла вперед по коридору. Мне было холодно. Сквозняк летал везде, приходил со всех сторон. Казалось, даже сверху и снизу.

Помню стены. Они не были прочными. Странные, жидкие стены. Можно было коснуться их рукой, и она завязла бы в дымчатой субстанции. Краска со стен кое-где облетела, образовав фигуры. Они были похожи на фрукты. Знаешь, как это бывает с облаками? Они всегда что-то напоминают. Фрукты… Яблоки, абрикосы, сливы, бана-

ны… Это меня возмущало и злило. Мягкий, податливый коридор – и вдруг эти идиотские фрукты.

Он массировал виски, позевывая:

– Подожди с эмоциями. Дай мне просто сухие факты.

– Прости… – Нина прикурила сигару. – Коридор закончился, и я вошла в огромный ангар или цех… Справа на стене виднелось небольшое окно. Синий свет сумерек еле освещал пространство. На полу под ним что-то шевелилось. Я подошла. Это была собака. Обычная серая дворняга. Она тихо скулила, находясь в полусне. Мне показалось, что ее тело пульсирует. Я не знаю, как объяснить. Так не может вести себя тело в физическом мире. Собака содрогалась – и словно обрушивала каждой судорогой часть пространства.

Алекс встал с кресла, развел руки в стороны, суставы хрустнули. Мускулы пошли буграми и перекатами.

– Что было дальше? Слева, там что-то было слева? Что ты видела?

Нина закрыла лицо ладонями, голос ее задрожал:

– Нет, нет… Я не знаю, что там было слева, я не могла туда посмотреть. Левой стороны пространства словно не существовало. Я даже думать не могла, что туда можно смотреть. Это как пятый угол, понимаешь? Все о нем говорят, но никто не может вымести из него мусор или, наоборот, швырнуть туда фантик. Левой стороны просто не было. Только то, что справа, и то, что впереди. Окно, собака, синие сумерки.

Алекс выхватил у нее сигару, пересел в другое кресло, дым укутал его голову и плечи, словно живая шаль.

– Окно, собака, синие сумерки, – мечтательно повторил.

Голос Нины стал низким и монотонным, будто в плюшевой игрушке садились батарейки:

– Я пошла дальше, в темноту. Но там было не совсем темно. Спереди исходило свечение. И снизу, сверху, сбо-

ку – единого источника света не было. Белый такой… бледный свет. Я вдруг почувствовала что-то на носу, нечто холодное. Затем на лбу, на шее.

Это был мокрый снег. Меня нисколько не удивило, что снег идет в здании, в этом коридоре. Меня охватил восторг. И чем больше я ликовала, тем гуще и тяжелее становились хлопья. И когда я затряслась от мощнейшего оргазма, началась настоящая метель… пурга, с завыванием ветра и ледяным дождем.

Я вошла в огромное помещение, по которому были раскиданы столы, стулья, больничные каталки…

Вспыхнул яркий свет, и метель в мгновение стихла.

Абсолютная тишина. Лишь только лампочка тихо жужжала, уже ничего не сообщая. В тот миг мне так сильно захотелось посмотреть влево, что волосы на левом виске зашевелились и левое ухо уловило какие-то звуки.

Прислушалась: женский хохот вперемешку с грохотом марша. Показалось, что кожа моя отслаивается и падает к ногам вместе с волосами. Вываливаются глаза, выпадает язык, сыплются зубы, ногти, пальцы, валится голова с плеч.

…И бьется об пол кровь, выпадая кусками из вен. Тяжелая, словно чугун.

И я вдруг ясно осознала, что именно это и нужно. Страх отступил, пришли покой и ясность. Все случилось именно так, как и надо. Знаешь, понимание такой глубокой степени не требует доказательств и обоснований. Меня словно щекотали изнутри десятки детских пальчиков.

Я по-прежнему стояла на месте. Или что-то стояло вместо меня. Это было цельное существо. Сильное, обновленное.

Постепенно свет начал гаснуть. Я погрузилась во мрак. Вокруг замельтешило, пространство съехало набок. Именно так и было – набок.

– Пространство набок… Нин, как-то не очень. Слишком примитивно… Напоминает плохой мистический триллер, – Алекс был разочарован, смотрел на Нину с неприязнью.

– Может быть, ты пробыла там слишком мало, чтобы как надо оформить концовку? Мне все понравилось, правда. Впечатляет. И лишь концовка провальна. Твоя поездка содержала поразительные картины. Снег в здании. Темнота. Собака в полусне – так это вообще шедевр! Но вот пространство набок – это уже отсебятина. Только представь – пространство набок. Трудно представить. Ты больна, Нина. За это я люблю тебя. За болезнь, невеличка. Я люблю шептать тебе в ухо всякие пошлости, когда ты спишь. Я люблю тебя. Вот тебе от меня любовный экспромт:

Охмелевшие сунели
Покатились на санях.
Девки пили, девки ели
На Егоркиных мудях…

Захихикали, словно подростки.

Нина посмотрела на Алекса с мольбой:

– Алекс, любимый, я именно та, кто нужен тебе. Я принесу тебе в своем клювике самое лучшее – жизнь, полную жара и смысла. Я…

Он затряс головой, начал заводиться. Насупился, выпучил глаза, зрачки расползлись по сторонам света, в легких засвистело:

– Я?! Снова это твое «я»?! Я, с которым было столько борьбы? Столько труда? Как, как ты можешь все время возвращаться к одному и тому же – к станции, с которой давно отправился поезд, улетел самолет и уплыл корабль? Послушай меня. А что такое твое «я»? Рассказать тебе?

Представь себе дерево… нет. Представь, что ты – плафон, закрывающий лампочку… нет. Представь себе решетку для жарки мяса на костре. Ты – просто решетка для шашлыка…

…вот ты наложила на нее жирную сочную свинину – с нее течет, капли шипят в костре. Это и есть твое «я» – просто мертвая свинина на решетке. Лишь только бесформенные обугленные куски. Твое «я» существует лишь тогда, когда мясо пригорает к прутьям. И чем больше мертвая плоть животного вдавливается в решетку, тем больше ты ощущаешь себя собой. Самый веселый процесс начинается, когда румяные куски начинают с решетки снимать, чтобы скорее набить ими утробу. Только в случае с тобой их снимать некому, кроме тебя самой.

Нина поджала ноги, внимательно слушая. Изящная морщинка разделила ее лоб надвое.

– …куски снимают, окунают их в острый соус и едят. Но твое «я» все еще существует. Не так, как прежде, но ты все еще думаешь, что ты – это ты. И знаешь почему? Небольшие кусочки мяса на решетке все еще остаются: пригоревший лук, остатки специй, капельки жира – все это еще липнет к металлу прутьев. И ты думаешь: «Какая-то я больная, никчемная, вечно уставшая и в депрессии – но это все еще я, да, это определенно я!»

И это правда все еще ты! Ты – пригоревший лук в каплях жира, свисающий с железных, еще теплых прутьев решетки для шашлыка. Обугленная мертвечина – это все еще ты.

А потом начинается самое страшное. Решетку приносят и кладут в теплую воду. Добавляют в нее моющее средство. Ты когда-нибудь мыла решетку после жарки на ней сочной свинины с луком и специями? Даже в теплой воде, даже с хорошим средством остатки шашлыка плохо смываются, словно срослись с металлом. Так жарок был огонь.

И тогда тебе кажется, что вся твоя жизнь – только порывистый ветер, разносящий запах жареного мяса по округе.

Но вода и средство делают свое дело. Постепенно решетка становится просто решеткой – блестящими прутьями. Ее вытирают и убирают в кладовую до следующего раза.

Так кто же ты? Куски мяса, которые давно съели? Лук? Вода? Моющее средство? Дым над водой? Где я – спроси себя. Может, ты – чистая решетка? Нет. Решетка – это просто средство. Она лишь потенция. Она – возможность. Твое «я» – это то, что стекает по канализационной трубе вместе с другими отходами. Теперь ты можешь гордиться собой, да? Вот теперь ты человек с большой буквы. Ты звучишь гордо. Трубы, баяны, саксофоны, тарелки – бу-бу-бу-бах!

Алекс выкрикивал все это, надевая рубашку, брюки, пиджак, галстук.

Он собирался на встречу. С кем? Он никогда не говорил. Может, с политиками. Или с военными. А то и с мафией.

Нина могла лишь гадать.

И пока он не ушел, ей хотелось отомстить ему за этот лук, куски мяса, вонючий ветер и решетку. Нина никогда не спускала ему злых выкрутасов. А после того как вчера он объявил ей, что собирается стать хорошим христианином…

Нина чеканила, резала воздух на ровные ломти:

– Ты знаешь, что каждую секунду в мире умирает примерно два человека? Но не это тревожит. Каждые три секунды происходит смерть ребенка до пяти лет. Восемь тысяч четыреста детей до пяти лет за семь часов. Вот ты собираешься стать хорошим христианином. Но как быть с этой цифрой? Какому Богу ты будешь поклоняться, кому ты собираешься служить? Богу-убийце восьми ты-

сяч четырехсот детей в день?! Это, кажется, он говорил в своей Библии: «Пустите детей и не препятствуйте им приходить ко мне, ибо таковых есть Царствие Небесное?» Вот оно что, милый. Вот в чем дело, да? Пустите ко мне детей. Целый стадион в день. Не многовато ли твоему доброму Богу, а? Закрой глаза, ты же писатель в душе. Просто представь себе такое количество мальчиков и девочек. Они смотрят на тебя. Черные, белые, желтые и коричневые. Они смотрят с немым вопросом в обиженных глазках.

… Ты стоишь тут, а они смотрят. Некоторые лежат в колясочках. Другие в шортиках и маечках. Третьи в шубках и шапочках. Четвертые лишь в набедренных повязках. Пятые в хиджабах. Есть и другие – с опухолями, одноглазые, безногие, с огромными головами, кровоточащие носом и ртом, и каждый смотрит на тебя. Нет такого Бога, который имеет право забрать восемь тысяч четыреста детских жизней в день. Это не Бог. Это кровавый оборотень, черный и липкий, как вороний член.

Алекс смотрелся в зеркало, поправляя волосы на висках. Со столика упала расческа, он поднял ее и сунул в задний карман брюк, затем присел на корточки, насмешливо глядя на Нину.

Невинно и ласково заговорил:

– А я уже рассказывал, что хочу стать христианином? Что-то не помню. А впрочем – какая разница. Понимаешь, моя верная и искренняя Нина, смерть ребенка – это не самое страшное, что может произойти. По сути – это фикция, пустота. Кусок дерьма без самого дерьма. Просто нас приучили, что ребенок – это самое дорогое, что только можно представить. Но самое дорогое то, чего представить нельзя. То, чего не произошло. Прошу, ухвати сейчас эту мысль, иначе ты так и не поймешь.

Это… нечто такое, по сравнению с чем смерть даже всех на свете детей покажется лишь сплющенной жабой, которую камнем прибил злой подросток. Прыщом даже не на заднице, а где-нибудь на уже подстриженном ногте.

Ты не можешь думать и рассуждать о том, чего нет, так? Но этого, гораздо большего зла и разрушения, нет как раз по большой милости Божьей. Таков человек. Ему не хватает ума, фантазии, воображения. Мы не можем мыслить о том, чего не произошло; о том, что лишь таится где-то за Божьей спиной, в мешке, накрепко завязанном веревкой из солнечных лучей.

В самом деле, как осмыслить то, чего не случалось и чего нельзя представить? Смерти всех этих детей, Нина, лишь колесико в шкатулке, которое медленно крутится и мерцает сапфирами душ. Детская смерть нужна, чтобы услаждать Божьи глаза и уши. Колесико крутится, музыка играет, души танцуют. Кто знает, Нина, может, именно это зрелище и сдерживает Господа от действительно страшных допущений и кар, которых заслуживает этот мир?

Нина злобно глянула на Алекса, выставила обе руки вперед, выпустила из кулаков два указательных пальца:

– Ты и твой придуманный Бог – вы оба больные мрази. И нет вам места ни на земле, ни в небе, ни среди живых, ни среди мертвых. Смотрите на свои алмазы, крутите колеса, наслаждайтесь своей музыкой для трупов с оркестром. Делайте что хотите. Но только без меня.

Вот такая нервная девушка, читатель. Надеюсь, ты рад, что с ней познакомился? Избранник ее, Алекс, я вижу, тоже пришелся тебе по душе? Признаться, не вижу ничего особенного в этом. Сильные персонажи – это примерно 70% успеха литературного произведения. Да, они занимаются обычными, подчас даже скучными, вещами в жизни. Но в целом люди хорошие, любят друг друга, име-

ют незыблемые ценности, принципы, выносят весьма жизненные суждения. Оба. В конце концов, разве нам не весело всем вместе? По-моему, очень даже да. Я прошу тебя! Дай мне сказать! Я не договорил! Прекрати лезть вперед меня, умный больно! *Ты снова не вовремя, идиот. Остынь. Дай рассказу продолжиться. Тем более – мы идем в далекое прошлое нашей великолепной Нины…*

Воспоминания Нины № 1

«В тот день я впервые в жизни попробовала спиртное. Мы сидели с девками, слушали музыку. Это было дома у моей подруги Ленки. Мне шел шестнадцатый год. Выпили не так уж много – бутылку водки на пятерых, но я была самая пьяная. Сначала просто хохотали, как дурочки. Потом возились на диване, плясали, громко ругались матом, падали на пол.

Сама не помню, как вышла из дома. И просто пошла по дороге. Потом провалилась в беспамятство. Когда память вернулась, передо мной была дверь, ведущая в чей-то чужой дом, – облупившаяся краска, погнутая ручка, хлипкие петли.

Я вошла. И снова отключилась.

Вспышка. Я открываю глаза – передо мной полумрак и силуэт какой-то незнакомой бабки. Она в платке, лицо перекошено, в шрамах. Она смотрит на меня, водит зрачками, словно рисует на моем лбу невидимой кистью. Мне плохо, водка лезет назад, внутри жжет.

Бабка заковыляла. Я осмотрелась как смогла.

Полулежала на старой железной кровати. Она стояла в коридоре, не в комнате. Дверь в одну из комнат была закрыта. Я тогда подумала – наверное, в эту дверь не раз били ногами. И что вообще я тут делаю?

Перед глазами пошли темные волны, я снова отрубилась.

Пришла в сознание, открыла глаза.

Бабкино лицо было рядом с моим, на расстоянии двух сантиметров. Это рыло лицом можно назвать, лишь будучи закоренелым гуманистом: все в рытвинах и ямах, огромный мясистый нос, мутные глаза со зрачками, пропитанными тьмой. Она улыбалась. И это была гнилая улыбка. Через нее виднелось дно ада. Вся ее улыбка целиком просто сгнила.

Меня вырвало, бабка захихикала.

Она взяла какую-то тряпку и грубо вытерла мне рот. Все, что попало на одежду, так и осталось сохнуть на ней.

Бабка что-то шептала. Шепот и свист вылетали из ее паршивой улыбки вонючим дыханием. Она стала целовать меня в губы – настойчиво, развязно. Щеки, подбородок, кончик носа – все попадало под ее слюнявую эротику. Я хотела оттолкнуть ее, но не могла. В груди все горело, пылало и в голове.

Она легла на меня сверху, поцелуи становились все настойчивее. Мне казалось, что по губам бабки ползают гусеницы, и сейчас они заполнят мой рот.

Она положила руку мне на промежность. Было ощущение, что она пытается прорвать мне джинсы, чтобы добраться туда, куда ей хотелось.

Меня снова вырубило.

Открыла глаза. Бабка выла где-то внизу, под кроватью. Сколько прошло времени – я не знаю. Но я уже могла двигаться. Привстала и увидела, как она каталась по полу у моих ног. Старуха держалась за голову, платок ее сполз, голова оказалась почти лысой, лишь несколько седых вихров покрывали череп. Она драла себе лицо ногтями, орала, лезла себе под юбку и что-то там нервно ощупывала. Потом стала биться головой об пол. Колотилась и охала, разбрызгивая кровь по сторонам.

Сначала это были просто вой и плач, но потом я стала разбирать слова:

– Мать, ведь я тебе мать, я тебе мать, мать я тебе, мать, мать, мать…

И тут я снова потеряла сознание.

Когда опять вплыла в реальность, я все так же сидела на кровати. Рядом стоял ящик, на нем бутылка водки и надкусанный персик. Рядом на стуле сидел какой-то мужик с отекшим лицом, в помятой военной форме. Я заметила и бабку – она забилась в угол и там притихла. Лишь редкие всхлипы напоминали о том, что она вообще есть в доме.

Мужик усмехнулся, сказал:

– Проклюнулась? Она вон, – он вяло кивнул на бабку, – орет, что тебе мать. Она всем мать. Нет на белом свете ни одного человека, кому она не мать.

Моя голова была еще в тумане, я не понимала – он так шутил или говорил серьезно.

– Давай вот, выпей, – прохрипел мужик. – Маленько легче станет.

Я выпила, закусила кислым абрикосом. И правда, сразу как-то полегчало.

Мужик свесил голову, обхватил ее руками. Что-то запел, потом сразу сорвался в плач. Но это продлилось недолго. Он налил себе полный стакан, выпил без закуски. Вперился в меня – все смотрел, смотрел.

Потом стал рассказывать, глядя в пол:

– А я ведь под Кандагаром всех пацанов потерял. Ты тогда и не родилась еще. Мы там знаешь как… Ты не знаешь, как… Пока эта предательская рожа Федя Малец дурь с душманами курил, мы там… по горам да по рекам прятались. Выслеживали. Ох, я там! Тебе и не снилось, малая. В этой жаре. В этом дерьме. Они с душманами в сговор вступили. Предательская тварь. Думали, может, какие поблажки будут. Будут, ага. Душманье их первы-

ми и перерезало. Я бы и сам сейчас их всех… Перебил бы. Да только давно уж они у Аллаха. Или у Христа, раз он самый истинный Бог? Мне плевать, если честно. А вот нормальных пацанов, вот их я потерял. И потеря эта невосполнима, – он зарыдал, налил себе и мне. Я начинала пьянеть снова, и то, что одежда в блевотине, мне было уже все равно. Я хотела его слушать, слушать, слушать…

Он вдруг поднял голову. Я никогда не забуду этот взгляд – растерянный, мутный, словно у ребенка, который только что упал с качелей. Мужик бросился на колени, смотрел на меня с мольбой.

Он спросил плаксиво, показав пальцем на бабку, что затихла в углу:

– Слушай, малая, а она мне мать или жена, а? Мать или жена?..

Из меня вырвалось само собой:

– Может… сестра?

Мужик упал на пол, лицом вниз, и зарыдал с такой горечью, с такой тоской, что я бросилась к нему и обняла за плечи. От него сильно воняло потом, но жалость была сильнее.

Он перестал плакать так же резко, как начал, быстро повернулся, стал тянуться ко мне, попытался обнять.

Прошептал заикаясь:

– Поцелуй меня, малая. Поцелуй…

В этот момент входная дверь распахнулась, в дом залетела встревоженная полупьяная Ленка, у которой мы пили водку. Увидев меня, она заорала:

– Нин, ты чего, охерела? Ты куда пропала, мы три часа тебя ищем! Что ты делаешь у этих бомжей, к ним даже менты не заходят…»

Есть в воспоминаниях какая-то светлая грусть. Особенно если давно прошедшие события действительно

стоят того. Никто не скажет наверняка, что же важнее: сами события или воспоминания о них? Что реальнее, что ближе? Умный, дай сказать! Я сейчас заору! *Притушись, сигаретка. Не видишь, я общаюсь? Отстань, слышишь? Прости, читатель. Я вот думаю, что у хорошего человека и воспоминания хорошие. Ведь Нина хорошая, правда же? Еще бы! Но время идет, и настала пора нам познакомиться еще с одним прекраснейшим персонажем. Я просто счастлив, что вы впервые узнаете его. Я вам завидую. Приятного, как говорится, знакомства. Услышимся.*

Яркая смерть

Ресторан «Яркий Я» был почти пуст.

Жаль. Алексу хотелось побольше людей. Он желал смотреть им всем прямо в глаза. Каждому. И чтобы они смотрели, но сразу отводили бы взгляды.

Он уставился через окно ресторана на улицу, где выпускали пар сгорбленные прохожие и дымили редкие машины. Он видел свое отражение в стекле. Оно скрывало все то, что печалило его, и подчеркивало все, что радовало.

Алекс не любил смотреть на себя. Но делал это постоянно. Возраст оставлял на лице свои штампы, отметины, печати. И он страдал – сладко, мучительно.

Объяснения этой сладости не было.

Нина как-то сказала ему, глядя передачу о звездах кино: «Посмотри, как классно стареет Джордж Клуни!» И Алекс радовался, ведь Джорджу – 57, а ему всего 42. И он, конечно, тоже будет классно стареть. Никаких сомнений.

Официант в желтом комбинезоне с надписью: «Яркий я? Яркий ты!» подошел и улыбнулся:

– У вас прекрасный вельветовый костюм. Меню?

Алекс продолжал смотреть в окно.

Чуть поодаль, у занесенного снегом тротуара, толстенный ребенок упал в сугроб – Алекс наблюдал за ним сквозь свое темное отражение. Смотрел через тень. Мать поднимала мальчика, но он снова падал.

– Простите, меню? – официант чуть наклонился, подумав, что в первый раз его не расслышали.

Алекс перевел на него задумчивый взгляд – и долго смотрел в смущенные глаза. Официант искренне не понимал, что происходит, веки его чуть подрагивали, губы стали влажными.

Алекс взял со стола салфетку, стал тереть и без того чистые губы.

Спросил с вызовом:

– Слушай, на сколько я выгляжу, а?

Мальчишка растерялся, хмыкнул, нахмурился.

– Да ты не хмурься, ты скажи. Сколько мне лет? Угадай.

– Я думаю, лет сорок девять, – почти шептал официант. – Не… не больше…

Алекс выпятил губы, о чем-то задумался. Принялся медленно водить пальцем по столу.

И снова смотрел в окно, где ни ребенка, ни его матери уже не было – только темное отражение Алекса и красный стоп-сигнал машины вдалеке.

– Привет, приветище, Алекс Владимирыч, дорогой! – огромного роста человек подошел так стремительно, так резко швырнул ключи от машины на стол, так громко закричал, что официант отскочил, врезавшись в стул у соседнего столика.

Алекс не обратил на это никакого внимания. Он спокойно смотрел в окно, будто ничего не произошло. Медленно повернулся к гостю, отстраненно изучал его. Пережевывал свой язык, но глотать его, кажется, не собирался.

Гость сменил тон, стал серьезным:

– Правда, Алекс. У меня не так много времени. Давай обсудим текущее, и я поеду дальше. Все остальное – потом, ближе к двадцатому.

Официант ожидал заказа, украдкой поглядывая на важных гостей.

Алекс не скрывая игнорировал собеседника. Он медленно поднялся с кресла, сделал несколько разминочных движений руками, подошел к официанту вплотную, гадко улыбнулся, сказал тихо:

– А знаешь что, яркий мой. Я хочу отдать тебе чаевые сейчас. Еще до заказа. Можно так? А? Можно? – он смотрел официанту в область подбородка. Парень трясся.

Алекс резко повернул голову на гиганта, захохотал:

– О, Андрей Евгеньевич, вот так радость! Здравствуй, здравствуй, дорогой! Послушай, я тут пареньку собирался дать чаевых, да мелочи нет. Есть сорок девять рублей взаймы, а? Дай, пожалуйста. У меня зарплата через неделю, я отдам, клянусь.

Длинный Андрей Евгеньевич нахмурился, посмотрел на обоих исподлобья. Порылся во внутреннем кармане. Ничего не нашел, кроме нескольких банковских карт.

Все трое сконфуженно переглядывались.

Лихо подоспела кудрявая администратор, злобно глянула на официанта, но сразу же заулыбалась:

– Господа, все в порядке? Вы становитесь все ярче в «Ярком Я» или что-то мешает?

Длинный отрезал:

– Все хорошо, дамочка. Дайте нам сделать заказ.

– Поняла, удаляюсь. Яркого вам вечера.

Алекс стремительно пошел за администраторшей, взял ее за локоть, отвел чуть в сторону, зашептал:

– Слушай, найди мне срочно сорок девять рублей, а? Страсть как нужно.

Она захлопала глазами, блестящие губы разомкнулись. Молча закивала головой, быстро ушла, вернулась через пару минут. Протянула Алексу аккуратно сложенную пятидесятирублевую купюру.

– Да в лицо те лужу, окаянная… – выругался.

– Что? – с акцентом на «о» выдохнула администратор.

– Да ничего… все…

Алекс схватил купюру, выбежал на улицу, разменял деньги в супермаркете, вернулся. Официант так и стоял, только голова его склонилась, словно на похоронах близкого родственника. Алекс с силой впихнул ему сорок девять рублей в карман брюк, прошипев в ухо:

– Держи-и-и. По количеству лет-т-т-т.

Официант не уходил – убегал, натыкаясь на столы и других посетителей. Их заметно прибавилось.

Длинный закричал, выставив руку вперед:

– Эй, ты куда это? Я сейчас пожалуюсь администратору! Ты не принял у нас заказ!

Официант прибавил скорость, сбив тележку с подносами, опрокинув бутылку шампанского с чьего-то стола. Он оглядывался и бежал к выходу, по пути стаскивая с себя фирменную одежду ресторана. И плакал. В погоню за ним пустился охранник.

Администратор подбежала к двоим надоевшим гостям. Оба жевали зубочистки, глядя сквозь нее.

– Мы все сейчас уладим, все сделаем. Все будет хорошо. Все сейчас наладится, – лепетала она.

Двое совсем не замечали ее, легко беседуя:

– Слушай, а ничего в этом ресторане зубочистки, да? Я ожидал худшего.

– Вполне, вполне. Единственное, небольшой пересол, как мне кажется. Совсем чуть, но есть.

– Перестань. Ну перестань! Пару месяцев назад я был в одном ресторанчике на окраине Мадрида. Вот там был

пересол! Я смог съесть лишь пару штук. А потом всю ночь пил кровь из восхитительно шоколадной шеи одной мулаточки – такова была жажда.

– Ну хорошо, не стану спорить. Пусть это будут самые лучшие зубочистки в мире. И сам Вольфганг Пак не смог бы такие приготовить.

Администратор дышала, словно на уроке йоги.

Алекс приветливо сказал:

– Ну что, дорогуша? Примешь у нас все же заказ или нам написать директору о том, какие замечательные зубочистки в его ресторане?

– Приму, сию же минуту приму! – у нее из рук выпала ручка. Гости не обратили на это внимания. Оба серьезно смотрели в меню, словно собирались редактировать Библию. Читали долго, медленно перелистывая страницы.

Наконец Алекс захлопнул толстую бордовую папку, швырнул ее на стол.

– Мне что-то не нравится, – с показным презрением сказал.

Вынул изо рта зубочистку, похожую на маленькую жвачку, стал ее разглядывать.

– Да, дерьмовенько, – швырнул меню и Андрей Евгеньевич.

– А знаешь что, – сказал Алекс, – принеси-ка нам апельсин. Не чисть его, мы сами. Ступай, моя хорошая. Ступай.

Через минуту огромный апельсин лежал у них на столе.

– Подарок от заведения, – улыбнулась администратор и тут же ушла.

Алекс взял апельсин, задумчиво его разглядывал. Поднял опустевшие глаза на Андрея Евгеньевича, сказал:

– Слушаю тебя. Как дела в нашем королевстве с пустым троном?

Андрей Евгеньевич наклонился ближе к Алексу, громко прошептав:

– Я сказал этой суке – подпишешь. Все подпишешь. Или подохнешь. Вот так.

Сказанное не произвело на Алекса никакого впечатления. Он медленно поднес апельсин к носу и громко вдохнул, закрыв глаза.

И в голове его поплыло, зазвучало, понеслось…

– Мама, где ты, мама?

Он слышал не слова, лишь отголоски. Ребенок кричал, захлебываясь звуком. Мальчик бежал по темному коридору. Мать убегала от него. Он ее не видел, но знал, что она где-то впереди. То была игра в какие-то плохие, злые прятки. Никто не водил, не считал до десяти. Никто не писал эти правила. Он вынужден был просто бежать за ней.

– Мама!..

Поворот – и снова коридор. Он просто должен был догнать ее, схватить за платье, чтобы никогда больше не отпускать. Не потерять.

Он задыхался. Маленькое сердечко рвалось вперед, будто пуля пыталась выстрелить из груди и попасть обратно в ствол.

Ее нигде не было видно. Он чувствовал: только что она была здесь, он так хорошо знал ее запах. Вот-вот за поворотом он настигнет ее. И увидит родное лицо. Она раскроет объятия – и прижмет, обнимет его.

– Мама. Мамочка…

За поворотом пустота. И запах, лишь ее запах.

Вот коридор закончился. В глаза ударил солнечный свет. Он выбежал на летнюю улицу. Мама стояла там, у клумбы с синими розами. Высокий, словно высохший старик держал ее за плечи. И грубо тряс.

И шипел в лицо:

– Я сказал, подпишешь, сука. Все подпишешь… Или подохнешь.

Она повернулась, увидела его.

– Беги отсюда! Скорее беги! – кричала, рвалась из рук старика.

Но он побежал прямо к ним. Кинулся на старика, словно раненый волчонок. Вцепился обеими руками в его штанину…

– Ясно, все ясно, – сказал Алекс, открыв глаза.

И положил апельсин на краешек стола. Фрукт тут же упал на пол.

Алекс и Андрей Евгеньевич долго смотрели друг на друга.

Андрей Евгеньевич робко спросил:

– Может, поднимешь?

Алекс ухмыльнулся:

– А может, ты?

Алекс поднялся, подошел к окну. Чуть поодаль, на улице, охранник давал подзатыльники сбежавшему официанту. Тот пытался вырваться, но был гораздо слабее. Гнулся в разные стороны, уворачивался от ударов, пытался бежать – все бесполезно.

Зазвонил мобильник. Алекс поднес его к уху, минуту слушал кого-то, не отводя мутного взгляда от охранника и официанта. Затем убрал телефон – и так зажмурился, что щеки его пошли морщинами почти до самого подбородка.

– Нину убили, – сказал он.

– Серьезно? – притворно удивился Андрей Евгеньевич. – Сочувствую. Весьма сочувствую, – и добавил так же буднично: – Пошли отсюда, а? Мне пора уже.

Оба направились к выходу.

Андрей Евгеньевич сказал себе под нос, открывая входную дверь:

– А все-таки зубочистки здесь классные…

Воспоминания Нины № 2

«В то утро мать решила, что в школу я не пойду. «У нас с тобой есть важное дельце», – сказала она. Мы отправились на вокзал, сели в электричку. Ехали часа три. В вагоне, под стук колес, мне захотелось услышать хотя бы что-то о моем отце. Я задавала матери разные вопросы. Она молчала. Делала вид, что не слышит меня. Отводила взгляд. Дышала тяжело, словно хотела откашляться, но не могла. Я села напротив нее, смотрела ей в глаза. И вдруг не столько поняла, сколько ощутила, что напротив меня – страшный чужой человек.

В глазах матери, словно на маленьких экранчиках, словно бы шел кинофильм. Это была память. Она кривлялась и резвилась в глубине ее глаз. Что за картины проносились там? Я не могла рассмотреть. Было ли там что-то об отце? О временах, когда нам всем вместе было хорошо и спокойно? Мать молчала. И кино в ее глазах было немым.

Мы вышли на какой-то станции, и она повела меня через лес по тропинке.

И вдруг с неба полилась вода. Дождь словно косил траву. Деревья качались из стороны в сторону, будто кружили в плавном хороводе. Лес танцевал и пел. Ливень громко подпевал ему и тоже чуть пританцовывал на ветру.

Под елью горел небольшой костер. Поленья были аккуратно сложены шалашом – и полыхали под дождем. Небесная вода не мешала костру гореть. Наоборот, словно помогала. Сизые облака чуть разошлись, дождь при этом не переставал. Солнечный луч плавно лег на огонь, соединившись с ним. Все вместе это родило немыслимую картину. Она не вписывалась в мое сознание. Пока дрова догорали, явление в целом оставалось неизменным, при

этом постоянно меняясь в деталях. Мы просто смотрели на это.

Вот язык пламени из красного стал фиолетовым. Вот струи с одной стороны стали более напористыми, чем с другой. Вот словно мелькнуло в блестящей от воды и солнца листве чье-то лицо – и тут же пропало. Вот два дерева переплели свои ветви, создав огромный венок. Или? Просто ветер качнул их навстречу друг другу…

Вскоре дрова превратились в пепел и закончился дождь. Все вокруг сияло в объятьях дымки, рожденной заходящим солнцем. Огонь полыхал по-прежнему, хотя уже и без дров – ярко, высоко, танцуя.

Мать радостно смеялась всему этому.

И мы отправились дальше. Пока шли, она рассказывала мне, что когда-то в этих местах обитали собаки с человеческими головами. Когда-то давно мать ездила сюда одна и видела их. Это были мужчины и женщины такой красоты, что она и сейчас не может забыть их лица. Но теперь их здесь нет, сказала она. Прилетело красное облако – и унесло их с собой. Теперь они живут на огненной планете, имени у которой нет.

Я сделала неимоверное усилие над собой, чтобы вновь ощутить мать родной. Хотелось скорее выйти из этого состояния. Я чувствовала свою вину перед ней. Она даже не знает о том, что стала мне чужой. Прошло какое-то время, прежде чем мне это удалось.

Мы вышли на небольшой пригорок, когда совсем стемнело. Присели прямо на траву, она была сырой и почему-то липкой.

Мать обняла меня и стала рассказывать. Я помню все до единого слова:

– Я привела тебя сюда, чтобы ты увидела восхождение черной звезды. Знаешь, что это за звезда? Она является людям, когда они на пороге смерти. Черная звезда – это

последнее, что они видят. Но нам с тобой даровано счастье видеть ее не перед смертью, а просто так, когда захотим. Нас таких только двое на всей планете. Сначала я была одна, но с этого дня можно и тебе. Твоя бабушка рассказывала мне, что первому в истории черная звезда показалась Лазарю. Помнишь? Я читала тебе про него в Библии. Это тот человек, которого воскресил Иисус.

Я помнила. Это место в Библии всегда пугало меня.

– Говорят, Лазарь поведал Иисусу о своем видении. Но он лишь улыбнулся и сказал: «Теперь ты готов жить вечно». Об этом, правда, в Библии не написано. Это я сама придумала.

Она немного помолчала, затем зашептала:

– Черная звезда, Нина, будет вести тебя по жизни за руку. Порой нечто неведомое станет пугать тебя. И страх этот будет темен – откуда он, зачем, почему? Но так надо. Без страха нет жизни, как без корня – кроны. В эти моменты ты вспоминай, как мы с тобой сидели здесь, на окраине леса, в темноте, и ждали восхождения на небо черной звезды – и все пройдет.

Вокруг стало так тихо, что было слышно, как стонет во сне трава. Тьма давила на нас с матерью сверху, мы становились все тяжелее. Мать понимала мое состояние. Она прижала меня еще крепче к себе и тихонько запела какую-то смешную песню. Глаза мои закрылись, я слышала только отдельные слова, которые тут же превращались то в воздушные шары, то в скачущих по небу зайцев, то в улыбающихся кукол.

Но я думала лишь о черной звезде. Только о ней одной. Спала я или нет – кто знает? Но ее не было. Перед глазами скакал лишь цветной калейдоскоп из всего, о чем пела мать. Собаки с красивыми лицами выглядывали из-за огромных пальм, ехали мимо меня в автомобилях и весело смеялись. Я и сама смеялась.

Встала с травы и побежала к свету, радости, веселью. К этим паровозикам, качелям, машинкам и куклам. Отовсюду в этом мире раздавался шепот матери:

– Черная звезда, Нина. Уже скоро...

Небо вдруг потемнело, игрушки быстро растаяли, словно мороженое на раскаленной сковороде. Я оказалась во тьме. И видела, как лежит на траве мать. Руки и ноги ее подрагивали, глаза были закрыты, волосы смешались с травой.

Шепот, удар, крик – и мать вдруг треснула по центру, вдоль тела. От головы ее и до пупка пошел ровный разрез. Крови не было. Рана пульсировала, словно кто-то пытался приподнять, отодрать кожу от мяса. Мне не было страшно, я просто наблюдала. Словно так и должно быть. Откуда-то налетел ветер. Он носил тьму взад и вперед. Я не знаю, как описать: тьма рывками носилась по лесу, я это отчетливо видела. То, что летало вместе с ветром, было гораздо темнее, чем сама темнота ночи.

Потом это вдруг собралось в комок прямо над матерью. Ком опустился на нее. И стал раскатываться ровно по ране, пока не впитался в нее полностью. И мать разорвало на две части.

Одна часть ее ожила. Открылся глаз. Половина рта громко сказала:

– Что ты наделала?! Ты никогда, слышишь? Никогда не сможешь увидеть черную звезду. Я дала тебе шанс, но ты...

Я подняла голову вверх и увидела солнце. Оно было гораздо ближе, чем обычно. Солнце буквально нависало над лесом. Оно крутилось взад и вперед, словно мячик под струей воды. Солнце стало медленно падать, потом все быстрее и быстрее, пока не рухнуло мне на лицо. Стало так жарко, что я даже вдохнуть не могла. Я просто сгорала.

Я лежала у матери на коленях. Уже взошло настоящее, другое солнце, пели птицы, повсюду летали стрекозы и бабочки. Мать улыбалась мне.

– Ну что, проснулась? – сказала ласково. – Я уж подумала, что ты умерла, – мать рассмеялась. – Пойдем домой, утро уже.

Я спросила:

– А как же черная звезда, мам?

Мать улыбнулась, погрозив пальцем:

– Черная звезда больше никогда не взойдет. Ты ее проглотила, когда спала, – с этими словами она стала меня щекотать и еще громче смеяться».

Что ж, как-то так. Не всегда мы понимаем родителей, не всегда они понимают нас – это правда жизни. Оговорюсь – частичная правда. Иногда мы все же вполне понимаем друг друга. Но вот какая вещь – мы не придаем этому значения. Вот если кто-то нас не понимает, тогда да! Мы готовы скандалить, доказывать, ненавидеть. Но когда понимание есть – словно так и надо. Умный, прекращай умничать. Я заготовил речь. Пусти, слышишь? *Красивым тут не место. Ступай со своей речью в туалет, да сунь-ка пятерню в рот. Вот тебе и вся твоя речь. Не мешайся. Дай лучше я расскажу читателю странную историю о том, как Алекс вляпался в историю. Плохо звучит. Я расскажу странную историю об одной важной встрече. Алекс, Алекс! Не все, нет, не все встречи в жизни твоей были настолько важными, как эта.*

Дед Жавю

Когда это было? После заседания основных или очередной пляски с теневыми? Теперь никто не вспомнит. Уже никому нет дела.

Все выглядело глупо и смешно: Алекс в неудобной позе валялся на остановке ранним утром, из головы его текла кровь, из ноги торчал шприц, воткнутый в голень прямо через штанину.

Что ему вкололи, кто это сделал – пустые вопросы. У него ничего не пропало, его не убили. Он то ли был пьян, то ли пребывал в полуобмороке, то ли просто был сильно сбит с толку.

Алекс помнил, как все валилось на него – стены домов, капоты машин, белые разметки дорог.

Остановка трамвая, чуть брезжил рассвет, и этот бездомный. Дурная улыбка. Буйство, насмешка, сарказм. Где Алекс видел его раньше? Когда?..

Алекс назвал его дедом Жавю. Старик не был против. Кривляясь возле Алекса, он хохотал. Как такое чучело может быть против чего бы то ни было?

…Дед Жавю. Он никогда даже не пытался говорить первым. Сидел в глубине комнаты и молчал. Медленно так двигал губами, словно тряпку жевал. Или пережевывал окаменевшую память? Одно ясно: звук у него изо рта исходил жуткий.

Алекс начинал рассказывать ему о своей правоте. О чем бы ни говорил – речь всегда шла о его правоте. В самом деле, какая разница, о чем говоришь? Главное – это жирное такое чувство, что ты прав. Понаблюдайте за спорщиками. Любые истины они готовы заплевать слюнями из кричащих ртов. Все то, во что еще минуту назад сами искренне верили, теперь готовы растереть, словно сопли по асфальту, лишь бы победить в споре. Таким иногда становился и Алекс.

В начале разговоров он бывал ярким, искрился, жестикулировал. Ведь он – прав. Странное веселье владело им: наконец-то дед не сможет возразить, вот теперь-то все продумано, прорисовано четкими контурами на невидимом холсте.

Казалось, он учитывал любые повороты, мог поразить и повергнуть каждую мысль старика. С легкостью отбить любое слово. Он говорил и говорил, захлебываясь своими знаниями, уверенный в собственной мудрости. Да что там мудрость. Всю жизнь свою в эти моменты Алекс выкрикивал. Он харкал жизнью, не понимая, как сильно рискует.

Дед Жавю слушал, пошевеливая губами. Может, пробовал его слова на вкус?

Когда они говорили о Нине, она всегда оказывалась права. Нина была неваляшкой посреди них. Как Алекс только не укладывал ее то на один, то на другой бок. Но дед быстро парировал, ставил ее в устойчивое вертикальное положение. И Алекс вновь оказывался в дураках. Он снова выглядел – да и был – не то чтобы круглым идиотом, но точно каким-то округлившимся сиротой.

Он усиливал напор, настаивал, приводил аргументы и доводы. Подключал язык тела, танцы, театр. И сам не замечал, как все глубже летел в бездну своего округленного сиротства. Конечно, дед Жавю делал это не специально. Просто так получалось. Все как бы шло своим чередом.

Это касалось не только Нины – всего подряд. Дед Жавю ерничал, издеваясь надо всем, что Алексу было дорого, чем он жил. Все было для седого изврата пустотой.

Если они говорили о войне – его война быстро становилась более страшной, опасной и злой. Если о солнце – его солнце через две-три фразы светило ярче, жарило макушку. О древности? Его древность сейчас же начинала просматриваться четче, яснее, словно находилась прямо за дверью.

В этих беседах Алекса сбивало еще и то, что ни с того ни с сего он начинал мысленным взором видеть места и пейзажи, никак не связанные с темой разговора. Эту дикую странность он заметил в себе еще в детстве. Но шло

время – и «картинки не в тему», как называл их сам Алекс, улетучились, стерлись, забылись. Все началось снова и с утроенной силой, когда появился старик.

Как-то дед рассказывал о том, что его знакомый, некто Илзе Гор, никак не мог рассмотреть свое счастье, которое росло у него на носу. Алекс тогда еще подумал: что за странный образ – счастье, растущее на носу.

Как потом оказалось, у Илзе на носу возвышалась бородавка. Большая, безобразная. И в каком-то пабе его заметил режиссер, снимавший детский художественный фильм. Понятно, что сначала он приметил бородавку, а не самого Илзе Гора.

Так Гор стал известным актером. Но не суть. Когда дед все это рассказывал Алексу, тот отчетливо видел мысленным взором поворот с одной давно знакомой ему трассы. За поворотом, чуть ниже по улице, жили его дальние родственники. Алекс был в этом месте всего два раза в жизни. Как, благодаря чему его воображение занесло именно туда?

И вот дед Жавю говорит, а он созерцает это место, причем пейзаж зимний, хотя бывал там Алекс оба раза летом. Вот так странность – в ходе рассказа деда пейзаж упорно просматривался именно в зимнем исполнении: два электрических столба, трансформаторная будка, заснеженный пустырь. Ветер, носящий поземку по снежному насту. По трассе едут редкие машины, в основном – фуры. Вот к чему это все?

Дед Жавю был странный человек.

Или вот еще. Рассказывал он об одном футболисте, с которым дружил в юности. В запале игры тот сломал два ребра своему коллеге. Причем не футболисту команды противника, а нападающему своей же сборной. Этот его друг носил потом в себе боль, он был травмирован этим эпизодом навсегда.

А что же Алекс? В этот момент он видел ветку вишневого дерева на фоне синего неба, а на ветке той огромное количество спелых вишен. Они покачивались на легком теплом ветерке, ударяясь друг о друга и тихо звеня.

Есть ли всему этому объяснение? Где-то оно есть… Но не тут, не с нами.

Когда Алекс открывал деду самые сокровенные детали своих умозаключений, он называл их пухлыми мыслями. Когда Алекс говорил ему о любимой музыке, он называл ее отрыжкой. Так и говорил – ну и каков же звук отрыжки музыки? Приятный? Унавоживает твой слух? Хорошо, молодец. Как же прекрасно воняет твоя музыка – сласть!

Дед Жавю. Все сидел и сидел в своем углу. В призрачном кресле. В сонной табачной дымке.

Поначалу Алекс злился. Дед расстреливал его своей едкой иронией, но Алекс снова воскресал. И мысли его вновь опухали, будто глаз от укуса осы. Признаться честно, он и сам это чувствовал – опухоль на том месте, где лишь минуту назад были важные и ценные мысли. Затылок прямо распирало в разные стороны. Но как же в этом признаться? Это трудно. Легче же прижаться опухолью к стене, чтобы дед не замечал, и дальше как ни в чем не бывало выдавать суждения поразительной глубины и ценности.

Иногда Алекс говорил и говорил, без устали, не обращая внимания на мольбы и просьбы деда Жавю остановиться. И тогда дед вставал, шел покачиваясь в кухню, наливал себе вина и залпом выпивал. Вместе с вином он глотал слезы и ресницы, что сыпались в бокал с его морщинистых век. А потом просто стоял, с удовольствием позволяя окну глядеть в себя.

В одном Алекс был точно уверен: дед Жавю знал тайну убийства Нины еще до того, как это случилось. Все гово-

рило об этом: его сутулость, худоба, седина, холодные глаза, запах вина изо рта, шаркающая походка. Конечно, он все знал.

– Ты мне просто снишься, дед Жавю. Ты все сидишь в своей темной комнате, в своем скрипучем кресле, и дымишь. Ты молчишь, все только смотришь вдаль сквозь стены и туман. Существуешь ли ты на самом деле? Я помню все твои сказки до единой. Кресло-качалка – единственное, что держит тебя на поверхности земли. Ты одной ногой уже там, дед Жавю. В той стране, откуда вылетают сухие ветки мыслей твоих, снов и песен.

Как смеешь ты учить меня? Тебя бы кто научил, старый пыльный мешок. Но лицо твое реально. Этот нос набок, эти морщины, губы в ухмылке, эти ведьмины космы. Ты вообразил себя ветром, что медленно ползает среди деревьев и скал. Руки твои оплели, как змеи, моря, небеса и горы. Ты делаешь начесы пустыням гребешками своих пальцев.

Я не знаю, чему ты учишь меня. Молчанию? Улыбке? Как правильно шаркать ногами? Как с наибольшим эффектом сморкаться и чихать?

…Ты мне просто снишься, дед Жавю.

– А хочешь, я слово в слово перескажу тебе одно воспоминание Нины? Из него можно сделать рассказ или фильм – настолько оно эротично. Слово в слово, дед Жавю.

Дед заперхал. Кашель его перешел в смех. Он резко остановил свое кресло, встал с него, медленно приблизился к Алексу. Наклонил лицо свое к самому его носу. Почему-то именно к носу. И сказал:

– Не надо рассказа. Просто найди его. Найди убийцу Нины.

Воспоминания Нины № 3

«Я была дома у мамы. Резала овощи, чтобы сделать луковый салат. На улице резвилась метель, она меня успокаивала. По крыше дома напротив лазили рабочие, закрепляли какой-то штырь. Я дома, в тепле, а они там, на крыше, в снегу. От этой мысли стало еще теплее.

Мама прилегла в комнате на втором этаже. Времени было часа четыре. Так тихо и хорошо было на душе, что хотелось распахнуть окно и обнять метель, сгрести ее со всего неба, прижать к себе и убаюкать как страдающее от гриппа дитя.

Работал телевизор, в передаче показывали Алекса. Он говорил о том, что вскоре границы России расширятся, что наша страна станет больше. Я запомнила одну его фразу полностью: «Таков духовный запрос большинства граждан страны, и мы обязаны на него откликнуться».

Мне вдруг захотелось выскочить из дома без одежды – и бежать, чтобы найти его. Почему я постоянно должна ждать его, искать его мысленно? Где сейчас он может быть, мой Алекс? Когда-нибудь я потеряю его навсегда.

Он все время занят не мной. Я скучала по нашим играм и путешествиям. Я скучала даже по его причудливому «сексу не внутрь». Хотя мне нестерпимо хотелось трахаться. Обычно трахаться. Как любой нормальной бабе.

Алекс, словно поняв, о чем я думаю, улыбнулся мне и исчез с экрана, наступила рекламная пауза.

Я выключила телевизор. За окном становилось темнее, и вместе с тем метель уже летела не сверху вниз, а слева направо, параллельно земле. Это вводило меня в ступор.

Я забыла про салат и просто смотрела туда, в святая святых мокрого снега, в его мельтешащее сердце. И когда мне казалось – вот, ну вот же оно, вот его очертания,

все пропадало, черты рассыпались снежинками, и сердце исчезало, пока не появлялось снова в другом месте – на столь же короткий миг.

Я доделала луковый салат и накрыла его тарелкой – есть не хотелось: решила подождать, когда проснется мама.

Вскоре совсем стемнело, но я решила не включать свет.

Снег усилился. Теперь я наблюдала лишь крошечный кусочек метели в свете фонаря. Подумать только: еще полчаса назад это была целая вселенная, а теперь лишь маленький клочок.

Мне вдруг показалось странным, что мама так долго не спускается. Обычно она отдыхала не более сорока минут, а прошло уже около полутора часов. Я решила подняться и посмотреть, все ли с ней в порядке, как в дверь тихонько постучали. Почему было не воспользоваться звонком, подумала я. Может, его не заметили в темноте?

Я обула тапочки и пошла открывать. Дверь под воздействием ветра распахнулась сама. Мокрые хлопья тут же облепили мое лицо. Я пыталась понять, кто же стучал в дверь. Присмотрелась, хотя видимость была плохой. Они стояли за пару метров от меня, укрытые темнотой и снегом. Их было двое. Снег вдруг повалил еще быстрее, снежинки стали округлыми и казались тяжелыми, словно маленькие планеты.

Они стояли по ту сторону. Два темных силуэта. Мне вдруг показалось, что это дети и что они, наверное, замерзли. Я пригласила их войти, поманила рукой. Они тут же пропали с того места, где стояли. Мне ничего не оставалось делать, как закрыть дверь.

В доме стало совсем темно, и я решила включить свет в коридоре, как вдруг услышала внутри себя: «Не надо. Оставь все как есть».

Я совсем не испугалась и просто пошла в кухню на ощупь. Они стояли там, где я только что резала лук. Еле различимые тени в бликах света фонаря, который падал в кухню. Вскоре я привыкла к странному присутствию и отчетливее стала их воспринимать.

Вот только воспринимать было почти нечего. Лишь нечеткие теневые формы, просто овальные очертания без рук и ног, вполовину ниже меня ростом.

Они словно покачивались в воздухе, не касаясь пола. Я села на топчан и просто смотрела на них. А они просто были здесь.

Вскоре у меня в голове зазвучал голос, который можно было принять и за мужской, и за женский: «Этот старик разорвал наш контракт. Он поступил не по правилам. Он просто ударил Алекса по спине, выбив нас наружу. Хотя между нами и дедом тоже есть контракт – всегда поступать по правилам. А они таковы: он должен был спросить Алекса, готов ли тот разорвать с нами договор. И Алекс должен был ответить четко – да или нет. И поскольку ни один человек обычно не отдает себе отчета, когда заключает с нами сделку, мы идем навстречу – и уходим. Согласись, это смягчающее обстоятельство. Можно просто закричать в детстве, чего-то испугавшись: «Мамочка, спаси!» – и это будет приглашением для нас, это станет контрактом. Так и было. Один из нас жил в Алексе с тех пор, как ему стукнуло тринадцать. Он мчал на велосипеде с горы и испугался того, что тормоза откажут. Самим фактом сильного испуга он призвал меня. С тех пор я жил у него на спине, расположившись прямо вдоль позвоночника. Второй из нас поселился в нем совсем недавно. Пару лет назад. И ты помнишь тот день, когда это произошло. Алекс не хотел тебя, а ты настаивала. Вспоминаешь? Ты кричала, что вонзишь себе в ягодицу саблю, которую ему подарил турецкий посол. Помнишь, как ты орала?

В тот миг, когда Алекс шибанул тебя головой о бронзовую статую Анубиса, к нему пришел он. Места нам вполне хватало: я у позвоночника, он поселился вдоль шеи.

Но сегодня это случилось. Этот старый ублюдок владеет техникой удара между лопаток. Мы просто вылетели сразу, оба, покатались по мирам и измерениям, пока не вывалились сюда. Мыслимое ли дело? Так вообще поступают? А еще считает себя мудрецом, мудило седое. Нина, нам нужна твоя мать. На время. Пока мы не найдем способ снова попасть в Алекса. Слушай и делай все так, как я говорю».

И я слушала. А потом сделала.

Наполнив графин водой, я поднялась в спальню, где отдыхала мать. Обе тени следовали за мной – я ощущала их корнями волос, это трудно описать.

Вошла в комнату, подошла к кровати – мать лежала на боку, укрытая пледом. Я тихонько поставила кувшин на тумбу в изголовье кровати. Не увидела, а скорее почувствовала, как обе тени улеглись в ногах матери. Они были готовы.

Я достала из кармана давилку для чеснока и с размаху ударила по графину. В этот момент мать быстро повернулась на спину.

Стекла падали ей на лицо вместе с водой. Я видела это как в замедленной съемке: осколки вперемешку с водой покрывают лицо матери, но не ранят ее.

Она распахнула дрожащие от страха и непонимания веки, резко села в кровати, закричала:

– Мама!

И я словно услышала эхо – будто где-то надо мной и вокруг меня множество женских голосов поочередно закричали «Мама!». Тени в ногах моей матери встрепенулись. Осталось крикнуть только мне.

Горячий ужас подковырнул мой мозг лопаткой для оладьев, и я заорала:

– Мама!

И весь наш род по женской линии предстал вдруг в этой самой комнате бесконечным рядом, уходящим в даль, сквозь стену, ночь и снег. Женщины держались друг за друга, они поочередно кричали «Мама!», словно рассчитывались на первый-второй. Глаза моей матери засияли, рот открылся. Двое быстро скользнули в него. И все стихло, женщины пропали.

Мать непонимающе крутила головой. Дрожащей рукой включила настольную лампу. Затем кинулась ко мне со словами:

– Доченька, что, что такое? Не кричи, все хорошо, мама здесь, с тобой. Все в полном порядке, я рядом, любимая, я здесь… Больше нечего бояться. Мамочка с тобой…

Битое стекло медленно стекало с ее лица».

Да, читатель. Кому как повезло, кому как выпало. Нам всем стоит думать о том, кого мы впускаем в дом. А может, и не стоит. Пустили – и ладно. Будь что будет. Гори все.

А что там у нас дальше по ходу повествования? Достаю невидимую для тебя книгу, вот тут закладка, смотрим – ага!

За закрытые двери могучих правителей попасть трудно, с этим все согласны. Чего, вы думаете, антиглобалисты устраивают свои марши да демонстрации? С одной целью – попасть внутрь старинных кабинетов, где делается история. Каждый из тех, кто громче всех орет, быстрее всех согласился бы сам занять место в великолепном кожаном кресле – и стать вершителем судеб. Тем, кто в любых количествах вкушает золотые яблоки бытия. Но – не всем дано, не всем по судьбе. Это так. Что ж, отправляемся прямо туда, где за нас все решают. Умный, можно мне читателя на пару слов, а? *Красивый – нельзя. Нет и еще раз нет. Отказано тебе. Смирись и распишись.*

Поми д`оро

Горели свечи, красное дерево кабинета дышало теплом. За закрытыми дверями председательствовал Андрей Евгеньевич. Всего их было пятеро, включая Алекса. Они сидели за массивным столом, на котором стояли лишь графин с водой, стаканы и пепельница – в ней уже потухла сигара Андрея Евгеньевича.

За спиной председателя во всю стену раскинулась карта.

Андрей Евгеньевич бессмысленно смотрел на нее, остальные молчали.

Он неуверенно начал:

– Алекс, ты наш друг и соратник… Прими от всех нас… Нам правда жаль, что Нины больше нет. Мы знаем, как ты расстроен, мы… Но мы остались с тобой. Я хочу тебе напомнить. Ты на самой вершине. Ты больше чем человек. Мы вместе, и на нас многое возложено. Надеюсь, ты не забыл? Да, тебе сейчас плохо. Нина была для тебя всем, но… ты ведь знаешь, есть нечто большее, наше общее дело. Нет времени накручивать сопли на пальцы.

Андрей Евгеньевич наклонился над пепельницей в тихом раздумье, прикурить погасшую сигару или нет. Его большое тело грушей нависло над столом. Остальные молчали, глядя друг на друга. Алекс смотрел на карту. Она была красиво подсвечена по периметру бледно-розовым.

– Нам всем сейчас тяжело, пойми, – Андрей Евгеньевич перестал гипнотизировать сигару, резко бросился назад, буквально свалившись в кресло. – Но у нас и правда много дел. Поэтому, дорогой, выключай слезоточивый газ, что бьет тебе в мозг изнутри. Пора работать.

Алекс посмотрел на председателя исподлобья. Стукнул сначала пальцами, затем кулаком по столу, кивнул:

– Хорошо, да. Хорошо. Конечно.

Андрей Евгеньевич надул щеки, бычья шея его пошла красными пятнами.

– Жарко, – кряхтел он, громко прочистил горло, крикнул: – Вот и славно. Стало быть, начнем.

Он закатил глаза, обнажив бельма в красную сеточку. Глубоко вдохнул и с силой плюнул в карту. Черная субстанция шлепком ударилась в самую западную точку Украины.

Андрей Евгеньевич возвысил голос:

– С тех пор, как мы присоединили Украину, мало что изменилось. Но все вы должны понимать: от нас ждут гораздо большего. И ждут уже давно. Не просрочить бы… Не пустить пешком по сраке… Что скажет почтенный Дисомсей?

Бледный старик, похожий на карлика, в оранжевом пиджаке на голое тело, надрывно произнес:

– Я скажу только одно: идти надо вот туда, то есть дальше. – Он закатил глаза по примеру председателя и тоже харкнул в карту. Черная клякса расползлась на границе Чехии и Словакии, вязкая жидкость стала медленно стекать на границу Венгрии и Австрии.

Исполнив это, он вскочил со своего места, встал по стойке смирно и прокричал:

– Дальше, я говорю. Надо двигаться, господа. Жизнь – это движение. А мы – механизм жизни, мы крутим ее колесо, если кто-то забыл, – он сел на место и замолчал, словно ничего не говорил.

Председатель потер ладони. Сказал:

– Что ж, свежая мысль, господин Дисомсей. Мы учтем ваши пожелания. А теперь послушаем Комаспенса. Просим вас, дорогой.

Толстый коротышка в ослепительно белом свитере нехотя поднялся с кресла. Надул щеки, пару раз вдохнул,

закатил глаза, как это делали до него, и смачно харкнул. Вязкая чернота легла аккурат на Францию, захватив и часть Бельгии.

– Господин председатель, – гнусавил он, – мне почти нечего добавить. Если вам по нраву план господина Дисомсея, полагаю, после нам нужно двинуться сюда, иного выбора нет.

Председатель рассмеялся:

– Как?! Минуя Германию, господин Комаспенс?

Толстяк стушевался:

– Простите, председатель, план не так прост. Если позволите, через Хорватию и Италию, – он снова закатил глаза и плюнул черным сгустком прямо в Хорватию, зацепив значительную часть Италии.

Пришла очередь господина Киозона. Председатель молча указал на него, призывая сказать свое слово.

Киозон был красивым мускулистым негром в синем спортивном костюме. Он нехотя поднялся, положил ладони на область паха, словно футболист в ожидании пенальти.

Заговорил красивым басом:

– Полагаю, господа, все мы помним азы геополитики. Государства моря и государства суши. Да, мы разные. Но мы не можем существовать друг без друга. Поэтому я предлагаю поменять концепцию и двинуться на юг. В Румынию, Сербию, Болгарию и Грецию. То есть к выходу в Средиземное море. Пора менять концепты, господа. Надо ломать штампы. Теллурократия, талассократия – все это в прошлом. – Он замолчал, склонив голову, словно был в чем-то виноват.

Андрей Евгеньевич поинтересовался:

– У вас все, господин Киозон?

– Да, господин председатель, – не поднимая головы, отозвался негр.

– Хорошо. Так выполните же свой долг – это ваше право.

Негр закатил глаза – и густо харкнул в карту, угодив почему-то в западную часть Алжира.

Господин Дисомсей хрюкнул в кулак, сдерживая смех. Председатель строго на него посмотрел, и тот снова превратился в камень.

Андрей Евгеньевич подошел к Киозону сзади, ласково погладил его по голове, проговорив участливо:

– Домой хочешь, да? Ну, ничего, ничего. Скоро отпуск, скоро поедешь.

– Спасибо, сэр, – всхлипывал негр.

Председатель встрепенулся, выгнул спину, заорал прямо в ухо негру:

– Сэр?! Какой я тебе сэр, чернорылая ты падаль?!

Негр соскочил со стула, встал на колени перед председателем, взмолился, просил о пощаде. Вскоре о нем все забыли, он так и остался лежать на полу, плача.

Андрей Евгеньевич уселся в кресло, закурил. Со всего западного полушария карты за его спиной стекала черная субстанция.

Председатель коротко сказал:

– Виферий. Не тяните, дорогой.

Худощавый нервный человек, больше похожий на женщину, сидел рядом с Алексом. Он молча закатил глаза, быстро харкнул. Плевок попал в Беларусь. Виферий сел на место.

– Ясно, – хохмил председатель. – В обход пойдем. Семь верст не крюк…

Все уставились на Алекса. Он обвел каждого взглядом, медленно поднялся с кресла. Влез на стол, встал на четвереньки, надолго закатил глаза, и вдруг из него вырвалась черная струя столь мощной силы, что выбила из кресла председателя, швырнув его о стену, а затем раскидала остальных участников тайной ложи, которая правит миром России.

Через десять секунд кабинет вместе с картой утопал в черной вязкой жиже. Подсветка карты заискрила, потухла. Свечи попадали со стола. Правители откашливались и кряхтели, ковыряясь в черноте.

Алекс довольно обвел кабинет взглядом, выпрямился и, спрыгнув со стола, направился к выходу. Прежде чем открыть дверь, он обернулся, указав пальцем на каждого по очереди, словно расстреливая их.

Проговорил, медленно растягивая слова:

– Я ищу убийцу Нины. И я найду его.

Он вышел, захлопнув дверь. Немного жижи вытекло в коридор.

Старик Дисомсей, елозя ботинками по липкому полу, воскликнул пискляво:

– Я считаю, надо отнять у этого хама право голоса и лишить его Черных Капель на год!

Председатель брезгливо смахивал черноту с пиджака.

– Заседание окончено, – злобно выдавил он.

Дисомсей запротестовал:

– Подождите, милейший. В прошлый раз мы не закончили важный разговор о помидорах. Давайте дообсудим.

Все вышли из кабинета, старик остался один, но словно не замечал этого. Он говорил, будто все так и оставались на местах:

– Итак, господа, европейские ботаники всерьез заговорили о помидорах примерно в 1554 году. Ученый Пьетро Андреа Маттиоли и дал это название томату – «поми д`оро», то есть «золотое яблоко». Видимо, изначально речь шла только о желтых сортах. Но помидоры долгое время считались в Европе ядовитыми, – Дисомсей замолчал, уставившись вверх. Причмокнул, вытер губы платком, рассеянно спросил сам у себя:

– Интересно, все же почему они так считали?.. Эти европейцы… Совсем дураки, это же надо…

Воспоминания Нины № 4

«Мать в те годы много молилась. Постоянно бубнила – утром и вечером. Вычитывала правила, просила о чем-то святых. Она оборудовала себе иконостас на старом комоде. Иконы громоздились друг на друге, по бокам, одна закрывала другую – они словно встали в очередь: мне первой молись, нет, мне. Здесь же лежали брошюрки и книги, пухлый православный календарь. Стояли в ряд бутылки со святой водой, горела лампадка. На стене был приклеен плакат с изображением Матроны Московской. По центру лежала большая Библия – оба Завета вместе.

Обычно мать молилась с открытой дверью. Я занималась своими делами, а она стояла на коленях, спрятав лицо в старушечий платок – и монотонно гудела, шептала, плакала. Огонек лампады вздрагивал при каждом всхлипе.

Потом мать решила закрывать дверь в свою комнату, а время молитв стало все длиннее. Изменилась и сама ее комната: телевизор она завесила старой шубой, шторы всегда были плотно сомкнуты – чтобы свет из окна не проникал. Она перестала ходить в туалет, хотя до него было два метра через коридор. Мочилась в небольшое ведро, держа его в углу за кроватью. Уже через месяц в ее доме постоянно держался стойкий запах мочи.

Со временем ее молитвы превратились в песни. Иногда они напоминали старинные романсы, иногда грустные частушки. Порой голос ее срывался, подрагивал. Тогда мать откашливалась, сплевывала мокроту в свое ведро и продолжала петь.

Бывало, что на час или больше она полностью затихала. Дверь была закрыта. Я больше не могла видеть, что она делает в эти моменты.

Иногда я ради любопытства слушала под дверью, что же происходит в комнате. С каждой неделей звуки отту-

да становились все более странными – то смех, то оживленный монолог, то детский голос…

Мне становилось жутко, ведь я точно знала, что в комнате она одна. Бывало, что она уходила молиться, но звуков человеческой речи вообще не было. Из-под двери дул ледяной ветер, за ней громыхало, трещало, падало.

Однажды мать вынесла свое ведерко с мочой, вылила его. Я пошла в туалет и увидела в унитазе жирную ворону. Из ее клюва торчала церковная свечка, один глаз вытек, было сожжено крыло. Я с криком выбежала из туалета. Мать пила в кухне чай и буднично сказала:

– Не ори. Ночь уже. А то жених твой вместо тебя на вороне женится.

Утром в унитазе трупика уже не было.

Однажды она собралась в церковь на всю ночь. Это было на Пасху. Мать зажгла лампадку – и ушла.

Я сидела в своей комнате, что-то читала. Было уже поздно, я собиралась ложиться спать, как услышала из комнаты матери звуки. Это было похоже на тихие стоны пьяного – долгое протяжное мычание, и тишина – и так много раз подряд. Я тихонько подошла к комнате матери. Стоны становились все громче. Я заглянула. То, что я увидела, до сих пор разламывает мне сердце, распарывает мозг, расщепляет душу.

Из Библии, что всегда лежала на центральном месте иконостаса, возвышался окровавленный обрубок – словно чья-то отрубленная рука, кожу с которой содрали. Кровавое мясо блестело в свете лампады. Сверху на обрубке возвышалась телячья голова. Она пребывала в каком-то полусне – и, словно умирая, тихо-тихо мычала. Глаза у нее медленно открывались и закрывались, но зрачков видно не было – только бледно-желтые бельма. Так же медленно открывался у нее рот, а оттуда высовы-

вался синий язык. Не могу сказать, почему, но страх мой полностью отступил.

Я подошла к иконостасу. Голова никак на меня не реагировала, только медленно крутилась на кровавом шесте в разные стороны. Я посмотрела на Библию, из центра которой, прорвав страницы, возвышался этот мосол – она кишела червями. Белые, черные, коричневые, желтые – они ползали по невидимым ходам, которые образовались в страницах Книги Книг, то уползая внутрь, то выползая наружу.

Лицо Матроны Московской на плакате исказилось, черты его словно смялись и напоминали теперь тело гусеницы.

Телячья голова вдруг перестала вращаться, невидяще уставилась на меня. Высунула язык – с него упали две жирные мокрицы и тут же исчезли в норках, что проделали черви в страницах Библии.

Вязким клокочущим шепотом голова просипела:

– Жра-а-а-ать. Молись… Молись…

Я бросилась к балконной двери, дернула ее – в комнату полился пасхальный колокольный звон – храм был неподалеку.

С балкона я видела, как голова медленно запрокинулась кверху – и зашлась таким ревом, словно, обезумев разом, зашлось в плаче огромное стадо коров: один голос страшно накладывался на другой.

Сверху послышался стук по батарее, и пьяный тенор соседа дяди Коли заорал:

– Нажрались, твари, и орете?! А ну-ка спать, гниды! Воистину воскресе!»

Умный, пришло мое время говорить? Не забывай – у нас равные права. Мы – партнеры! *Слушай, Красивый, вот ты мне сейчас гораздо противнее, чем телячья*

голова, о которой было рассказано выше. Червь ты, а не партнер. Уймись. Читатель, не слушай его – дураков всегда у нас хватало. И в литературе, и в жизни. Давай лучше смотреть, чего у нас там дальше.

Так – в следующей главе мы подходим к чему-то слишком сложному и большому. Прямо как-то тяжело об этом говорить. Религия! Сколько бед ты причинила роду людскому, не сосчитать. Сколько жизней сожрала, сколько обесточила душ вместо того, чтобы питать их. А ну-ка тебя, религия, на хрен. Пусть читатель сам разбирается с тобой. Лишь бы он не стал следующим, кто погибнет на твоих непроходимых дорогах. Я буду надеяться на лучшее. Пойду посплю.

Иисус и Антихрист

Лишь только Алекс переступил порог дома деда Жавю, как закричал:

– Я не нашел его, дед Жавю. Я не нашел убийцу Нины. Никто и ничто не может помочь мне, даже ты. И я… я принял окончательное решение. Я стану добрым христианином. Вера моя спасет меня. И поможет мне. Только так, дед Жавю. Это во мне зрело, зрело, зрело – и вот вылупилось. Теперь я нашел себя. Да, отыскал. Все серьезно, все очень серьезно, дед Жавю.

Дед Жавю потупился. Перестал качаться в кресле. Устремил тяжелый взгляд на Алекса. Казалось, уши его стали чуть больше и увеличились губы – смешно и страшно.

И вдруг он взвился, вскочил с кресла, словно подросток, голос его стал походить на выкрики провинциального конферансье:

– Ах вот оно как? Вот, значит, что? Ты все решил? Так быстро? И у нас нет времени на подумать? Тогда я сию

минуту сыграю для тебя спектакль, если кости выдержат. Моноспектакль. Для тебя одного. Устраивайся поудобнее, будущий добрый христианин! Впрочем, я не доучил свою роль, иногда могу сбиваться. Но пробелы в образовании и отсутствие драматического таланта я как-нибудь восполню, не сомневайся!

И дед ехидно хмыкнул.

Алекс сел на стул, скептически сложив руки на груди. Ну-ну, мол.

– Итак, господа присяжные и заседатели, бароны и графы, купцы и чернь, словом, люди земли! Я обращаюсь к вам с жалобой на этого человека, – дед Жавю запрыгал на месте, указал пальцем на Алекса. – Он собрался стать добрым христианином в одиночку – какая досадная дерзость! Простите, я ошибся словом. Я хотел сказать – мерзость.

Дед Жавю с трудом изменил свой трескучий голос на тонкий фальцет, посмеялся; тотчас вызвал из груди хриплый стонущий бас – еще посмеялся; затем захохотал своим обычным голосом.

Покрутился вокруг своей оси, похлопал в ладоши, спел на самых низких нотах: «Е-е-еееe». И в секунду сделал самое серьезное на свете лицо:

– Куда же ты собрался один, а, кретин? Бери с собой в твою новую веру Ромула и Рема, отцов-основателей величайшей империи. Они ведь дети земной женщины и бога Марса, как ты без них обойдешься?

Дед Жавю подпрыгнул, заулюлюкал как юродивый индеец:

– А следующим на нашу сцену идет… Да! Да! Да! Как же без Гильгамеша, сына богини и жреца? Куда это ты без него собрался? Оркестр, не молчите же в своей яме, сыграйте нам что-нибудь торжественно-божественное!

Дед раскинул руки, замахал ими как опаленными крыльями.

– А на сцене следующий попутчик в доброе христианство, – он понизил голос до шепота, оглянулся по сторонам, делая вид, что боится кого-то, – как, никого нет? Вот так дела. Простите, я совсем забыл. У артиста заболела печень. Ставим прогул по уважительной причине.

Дед взвизгнул:

– Едем дальше! Чудесное и, бесспорно, непорочное зачатие бога Гора матерью его Изидой. Гор – один из лучших кандидатов на совместное с тобой крещение. Ты подумай. Говорят, счастливчик тоже ходил по воде и имел двенадцать учеников.

Дед Жавю сложил руки в молитвенном жесте, жалобно простонал:

– Тут ни одного даже паршивого ученичка нет, а у него вон целых двенадцать. Ладно, движемся дальше. А сам его божественный папа Осирис? Ты вот что: а забирай всю мужскую часть семьи! Пусть Изида использует отныне огурец.

Дед подпрыгнул к Алексу. Но тот лишь улыбался, показывая всем видом, что цирк ему нравится.

– И-и-и-и накал, литавры и тарелки! Актеры – всем застыть. И я приглашаю следующего кандидата в добрые христиане. Это Адонис, он же Таммуз. Биографическая справка: был погребен и на третий день воскрес, ты без него никуда не пойдешь, никуда, слышишь? Увести! Следующий!

Дед Жавю кривлялся, все время врезаясь в стул, на котором сидел Алекс.

– До кучи бери и фригийского Аттиса. Он рожден от девственницы, убит, был похоронен в скале, а потом воскрес, – дед танцевал, переваливаясь с ноги на ногу.

– Вот еще один попутчик тебе – бог Мардук. Он умел воскрешать мертвых. Нравится, а? Я не помню, как он выглядел, когда он захаживал к нам в гости, я был еще

маленьким. Эй, суфлер, подсказывайте громче, ничего не слышно. Кто? Что?

– Забирай и Митру! – крикнул дед. – Блаженство и рай после смерти, равенство людей – ваша с ним общая тема. Этот точно с тобой отправится. Кстати, о вкушении хлеба и испитии чаши я вообще молчу – будете вместе причащаться в три горла хоть каждый день.

Он на мгновение затих. Алекс зевнул в кулак.

Дед начал чуть тише и менее драматично:

– Кто же у нас еще ожидает там, за занавесом, в темноте сцены? Ага! Солнечный божок ацтеков Вицлипуцли. Идея непорочного зачатия приобретает здесь поистине космические масштабы! Его мамаша, богиня Коатликуэ, залетела от комка перьев птички колибри… Этот точно достоин, не спорь. О-о-о-ч-ч-ень добрым христианином станет. Право, мальчик мой, фокус со святым духом тут выглядит полной банальщиной.

… И вот еще, как же я забыл, идиот! Прошу прощения, уважаемая публика, я верну вам ровно половину стоимости билетов! У Заратустры были земные отец и мать, но верующими своей религии он считается сыном бога Ахурамазды. Какая досадная неожиданность. Давай, давай. Забирай. Под ручку – и в путь-дорожку. Правда, когда пророк родился, мамочка с папочкой сразу же омыли его коровьей мочой. Но ты не бойся – времени много прошло, запах уже выветрился.

Дед отдышался, сел в кресло, закурил:

– Ладно, мне пора заканчивать. Но вот еще что, небольшая мелочь: все они, как Иисус, родились 25 декабря. Все в один день, а? Божественное братство. После крещения не забудьте учредить секту имени 25 декабря. Человек ты могущественный. Вполне можешь для полного завершения ритуала переименовать все улицы в стране, которые носят имя 50 лет Октября, в улицы имени

25 Декабря. Можно и метро имени 1905 года сюда же, и улицу имени 26 Бакинских Комиссаров… Все можно.

Лицо деда Жавю приняло свой обычный суровый вид. Он заговорил медленно, будто нежно поглаживал каждое сказанное слово по голове:

– Ведь ты зачем-то ходишь ко мне? Ты пришел в первый раз – и все еще появляешься тут. Значит, тебе некуда больше идти. А к себе самому ты идти не хочешь и боишься. Твое будущее крещение похоже на разверстое влагалище: оно обещает много интересного, но на входе его и на выходе лишь кроваво-красное мясо. А может, бледно-розовое – у кого как.

Ты надоел мне, парень. До хрипов в легких надоел. В тебе кишат, как глисты в навозной куче, не связанные друг с другом обрывки мыслей, воспоминаний, аналогий, примеров, сопоставлений, эмоций. Если бы это все и был ты… тогда большинство людей просто лежали бы прикованными к кроватям в психбольницах. Нас бы рвало из стороны в сторону, от мысли к мысли, от ненависти к любви, от злобы к нежности. Мы были бы обществом психопатов – непредсказуемых, постоянно находящихся в горячем бреду. Но выйди в час пик на улицу любого города. Ты видишь спокойных людей с рюкзаками, дипломатами, в наушниках или погруженных в телефоны. Они идут кто куда.

В это время поток безумья несет их всех, внутри каждого ежесекундно свершается глобальная шизофреническая революция. Просто есть что-то, что отделяет естество, тот кокон, в котором пребывает самое главное, от многоголосого хаоса.

Тот есть истинно верующий и познавший все до последнего предела, кто научился отделять ежедневную ментальную кашу в своем уме от тихого безмолвия, которое и есть он сам. Не нужно борьбы, надо просто прове-

сти границу. Нужно распознать. Необходимо наблюдать. Ведь неприятно воспринимать себя в качестве вонючей свалки, которая еще и на реальность претендует. Как же ты мне надоел, как же сильно…

Дед Жавю замолчал. Волосы его полностью закрывали лицо. С сигареты свисал длинный червяк из пепла.

Он неожиданно бросился к Алексу. Глаза его воспламенились, рот перекосился, челюсть задергалась. Схватив Алекса за горло, он зашипел, разбрызгивая слюни:

– Сначала, добрый христианин, ты бы выдавил мамашу и папашу из себя. Ведь ты сплошь покрыт гнойниками и нарывами. Дави их и терпи боль. Дави до тех пор, пока кровь из ран не будет хлестать фонтаном в небо. Мамка с папкой сидят в тебе крепче, чем стоит твой член. От тебя воняет протухшими мамой и папой. Попробуй же сделать хотя бы что-то сам. Ты же весь – лишь гнойная копия, гнилая пародия. Обезьяна вперемешку с курицей. Расскажи мне, как ты трясешься от страха, сидя у мамки под юбкой, а? Ты вдыхаешь запах покоя, что лениво парит у нее между ног. Мамкина надежда, папкина опора. Ты просто штамповка, сто пятая деталь в сто пятом цеху на сто пятом по счету заводе.

Ты собираешься прикрыть свой позор именем Иисуса? Ты серьезно, малыш? Хочешь получить фиговый лист от того, кто не вышел на зов собственной матери, предпочтя остаться среди чужих людей? Посмотрите же на него! Добрый христианин обоссался в штанишки. В твоей голове только строгие наставления папочки. Не какай в колготки, по попке получишь. Ты просто унитаз для родительского дерьма. В тебя они осуществляют свои вонючие испражнения с момента рождения. Сливной бачок сломан – и дерьмо копится, пока не затопит весь мир. Ты зомби-пылесос, всасывающий папочкину перхоть и мамочкину пыль. Давись, кашляй, пускай слюни.

Дед Жавю сел на пол, пытался отдышаться. Алекс тоже еле дышал, держался за горло, то и дело сглатывал. Они словно пытались передышать один другого. Смотрели друг на друга пристально, с ненавистью.

Дед Жавю пришел в себя первым:

– Рассказать тебе, как выглядит Бог? Хочешь знать это, а? Никак он не выглядит. Но у него есть для тебя все, кроме мамки с папкой. Все, кроме них, к твоим услугам. Предусмотрена каждая мелочь, включая цвет шнурков и форму будущей плеши. Но только не мама и папа. Не их подслеповатые мнения и морщинистые выводы.

Да! Бери, забирай у Бога все что хочешь, кроме второсортности, кроме бесконечных повторов. Не будь просроченным, не воняй. Кто говорит твоим ртом? Кто смотрит твоими глазами? Кто ты? Где ты? Не ищи Бога, малыш, он рядом. Просто вырви себя из когтистых любящих лап. И пусть останутся в них твой окровавленный скальп, кожа, волосы – но важное уцелеет. Рви с мясом и кровью. Отдирай сейчас же. Не мешкая ни минуты…

Дед кряхтел и плакал. Он в бессилии упал на пол. Слабо колотил кулаками по обшарпанным доскам.

Алекс молча вышел на улицу.

Поле вокруг дома деда Жавю притихло, вечерний туман сонно навалился на траву.

Алекс был вычерпан. Он потерял Нину. Он потерял веру. Он стал ржавой арматурой. Просто коробкой из-под торта, обмазанной внутри остатками крема и шоколада. Алекс ощущал себя футляром, где еще минуту назад лежало блестящее кольцо. Футляр остался все тем же – бархатным, приятным на ощупь. Но внутри него сейчас лежал лишь ржавый бесформенный кусок металла, который вот-вот распадется, станет пылью.

Он присел на ступень, вдохнул туман. Воспоминания о Нине стали разрастаться в опустошенной душе. Вырастая

из маленькой точки, они, как плотные большие облака, быстро заволокли сознание Алекса. Они путались, громоздясь одно на другое.

…вот они ныряют с яхты, а вот уже несутся на лыжах с горы. Вот Нина целует мочку его уха, а вот она плачет, рассказывая о матери.

Тот рассказ… Это было два года назад, они гуляли по заброшенному парку. Был октябрь, накрапывал дождь.

Воспоминания о воспоминаниях Нины

«– Ты знаешь, как умирал самый близкий мне человек? Ты хотя бы немного понимаешь, как глупо это происходило? – спросила Нина Алекса.

Нет, он ничего не знал.

– Мы с Маринкой решили приехать к ней. Несмотря на все ссоры, споры и ее ко мне ненависть – я решилась. Хотела помириться, открыться ей. У Маринки как раз день рождения был. Мы ходили к Ковалевым в гости, и там накрасили всех детей аквагримом. Сколько радости в тот день было! Маринка, помню, вся разрисованная резвится, как дьяволенок, – красная, глаза черным подведены. Любила она весь этот вампиризм, пока жива была… Странно – девочка ведь.

Поздно было уже. Помню, снег повалил тяжелыми хлопьями. Пока мы добрались до дома матери, дороги почти замело. Но мне хотелось. Душа просила. Я прямо чувствовала, как возьму ее, прижму к себе, расцелую. Старушка моя, мамочка…

Мы прошли в калитку, Маринка падала в сугробы. Идти не хотела. Я ее все зову, пошли скорее к бабушке в дом, холодно тут. Она все свое – не пойду, мне нравятся дядя снег и дедушка мороз… Все ковыряется в сугробах,

идти в дом не хочет. Я уже кричу на нее – она все равно. Хватаю ее за шапку, капюшон, за рукава – выворачивается, бегает от меня.

А мне и самой уже холодно. Да боюсь, мама спать ляжет, не добудимся потом. Я Маринку силой тащить, она кусается, брыкается, бьет меня. Я не сдержалась, по щекам ей красным настучала. Весь аквагрим размазала. Он начал подтекать. Да она еще руками лицо трет, краску слезами заливает, орет.

Мать услышала, выходит, говорит – что это тут такое, кто это здесь? Я успокоила: мама, все хорошо, это мы с Маринкой к тебе приехали, прости, что так поздно. Она как закричит: ты чего ребенка в ночь тащила, совсем ума нет? Говорю, мама, и так постоянно некогда. Не видимся совсем. Она орать – ну-ка заходите в дом, что ж вы в снегу валяетесь!

Маринка бабку увидела и в дом все же пошла.

Пока мы заходили, мать сходила в свою комнату, взяла там открытку, сует ее Маринке – на, не плачь, вот тебе красивая открытка. Маринка взяла, даже не посмотрела, продолжала орать. Я мельком глянула – репродукция Иванова «Явление Христа народу». К чему это? Откуда такая открытка?..

Мать кричать начала, почему, говорит, Маринка плачет так сильно? Идти, говорю, не хочет к тебе. Как не хочет – она меня любит, это все ты.

Мать сама кричать стала громче Маринки. Оставалось только мне заорать. Я схватила дочь, взвалила на плечо и понесла. Она сорвала с меня шапку, орала, словно ее убивают. Кое-как втащила ее из террасы в дом, поставила в коридоре. Мать к ней наклонилась: ах ты, внучка моя дорогая, как выросла, как повзрослела. А потом: что это у нее? И на меня: ах ты, сука, тварина такая. Ребенок весь в крови, ты что ж делаешь! Ах, гадина,

проститутка! Что ж вы делаете! Мариночка… Миленькая, сейчас-сейчас вытру.

Заковыляла. Платок набок сбился, колени хрустят – побежала за зеленкой, за тряпкой, за чем-то там еще… И рыдать стала на весь дом вместе с Маринкой. Та орет, а бабка ее перекрикивает.

Тут не выдержала уже я. Хватит, твари, заткнитесь обе. Я сказала, прекратите! Мать совсем в шизу впала: я тебе прекращу, гадина. Выродила на свою голову. Ребенок весь в крови, все лицо разбито. Что ты, тварь, с ней делала? Я тебя спрашиваю, отвечай! Сейчас ноги раздвину, хоть и старая, и в манду назад тебя запихаю, чтобы не видеть больше никогда! Ох и выродила свинью. Ох и на свою голову. Я кричала, надрывалась: да это аквагрим, это игрушка, краска, клякса! Это для детей!

Мать меня не слушала, взяла Маринку, как младенца, на руки, как только сил хватило. Ой, моя маленькая, вся в крови, все личико… Тварина… Ой, моя девочка.

Мы выли, как три коровы перед убоем, и никто уже ничего не понимал.

Мать стала Маринке лицо тереть. Да как взвизгнет: ой, сколько крови-то… Ой, гадство, ой… – и зашлась, задышала, словно ее ударили в солнечное сплетение, глаза закатила. Маринка еще громче заорала, испугалась страшного лица бабки. Вцепилась ей в волосы, начала их драть. Мать вырвало, я подбежала, выхватила ребенка у нее из рук. Мать кашлянула, крякнула, сипло выдохнула и упала замертво. А Маринка тут же уснула у меня на руках…»

Страшно, господа. Женщины и смерть – вот название предыдущей главе. Но не мне решать. Ну и что? Я решу что-нибудь другое. Однако ж впору делать ставки! Оно понятно – дед-то, он старый, много повидал, разве его переспоришь? Нужны веские доводы, ясные мысли, верные слова. Алекс, он

не всегда так может. Нет, конечно, его на совесть учили в закрытых политических школах, но тут особый случай. Здесь умом-то делу не поможешь. Тут нужно особое проникновение в тайны и глубины. Причем не ты должен проникать куда-то, а оно само к тебе обязано прийти – да-да. По собственной неведомой воле. И кто знает, может, так и случится? Я знаю, как случится, Умный. Хочешь, расскажу? *Попридержи язык, Красивый. Прикуси его.*

Сверхновый Алекс

В голове Алекса вдруг вспыхнуло. Загорелись, словно сухие листья, мысли. В секунду сгорели воспоминания о воспоминаниях Нины. Перед мысленным взором его вдруг возник из тьмы подсознания странный оркестр. Человек играл на рояле, рядом, в такт его игре, художник водил кистью по полотну, синхронно с ними плясал танцор, и отмерял на листе бумаги ровные доли поэт. Особенно Алекса поразила женщина. Она не пела под музыку веселого оркестра, а словно обличала кого-то – беззвучно кричала, держа перед собой большой черный крест. Каждый из участников ансамбля был нагим.

Что-то лопалось в черепе Алекса, перетекало от одного уха к другому. Он попытался позвать на помощь деда Жавю, но сделался немым. «Где-то здесь убийца Нины», пронеслась тревожная, но радостная мысль. Все вокруг скрипело, словно дом деда Жавю вот-вот рухнет. Порыв ветра схватил Алекса за подбородок и, резко приподняв ему голову, заставил смотреть вдаль.

Там, в поле, объятую легким свечением, различил он фигуру человека. Почти стемнело, но ошибиться было нельзя: усы, бородка, длинные волосы, прожигающий внутренности взгляд.

Он величественно, но просто поднял руку и указал на дверь дома деда Жавю. Сутуло повернулся и скрылся в тумане. К Алексу вернулись сознание и дар речи. Вместе с тем пришла какая-то особая сила, которой не было раньше. Он вбежал в дом деда Жавю, полный решимости. Дед грустно сидел: нога на ногу, волосы на лице. О том, что он видит Алекса, говорил лишь глаз, мрачно наблюдавший из-под нечесаных косм.

Алекс крикнул:

– Я покрещусь, дед Жавю. И не Гора, ни Мардука, ни Митры мне для этого не нужно.

Старик ухмыльнулся, откинул волосы с лица, ожидая, что будет дальше.

– Я беру с собой «Страсти по Иоанну» Баха. «Спасителя мира» Леонардо. «Последнее искушение» Казандзакиса. «Трилогию о Христе» Мункачи. «Двадцать взглядов на младенца Иисуса» Мессиана. Я еще не перекрыл своими тузами твоих пешек-богов, дед Жавю?

– Нет и еще раз нет, – хитро прищурившись, сказал дед. Удовлетворение читалось в лице его.

Алекс воскликнул:

– Тогда еще я беру с собой «Голгофу» Шагала. «Благовещение» Фра Анджелико. «Страсти Христовы» Гибсона. «Христос на Масличной горе» Бетховена. «Оплакивание Христа» Джотто. «Несение креста» Босха.

Дед Жавю посерьезнел, сморщил лоб, встрепенулся. Старческие жилы напряглись на худом горле.

– Ну давай, давай, прикончи меня. Осталась одна позиция. И будет двенадцать, словно его учеников, – дед Жавю обиженно ворчал, но в целом был доволен.

Алекс задумался. Он должен был сказать главное слово. Нужно было завершить ряд, закончить отповедь, поставить точку.

И он трепетно прошептал:

– «Шел Господь пытать людей в любови» Есенина…

Дед Жавю изобразил страдания от пулевого ранения, упал на пол, но смеялся:

– Ну, все, все, прикончил-таки, добрый христианин. Убил старика. Дайте мне с собой на тот свет мое кресло, дайте сигареты, дайте вечерний свет из окна!

Алекс подал деду руку, смотрел ему в глаза:

– Всего двенадцать позиций, дед Жавю. А если собрать все… Что будут делать твои... да пусть даже пятьдесят или двести жалких вицлипуцлей?

Дед Жавю обнял Алекса, поцеловал его в щеку, словно отец встречал блудного сына, и шепнул ему:

– А теперь иди. Найди убийцу Нины.

– Сегодня я командую, дед Жавю. Сегодня рулим по моим правилам, – гордо скомандовал Алекс.

Право, из этого можно вывести целую большую философию. Надеюсь, кто-нибудь сделает это в свое время. Я рад. Если теперь мне скажут, сколько людей погубили под лозунгами любви и милосердия, сколько страшных убийств оправдывали именем Иисуса, я всегда смогу побить все их карты тем количеством глубочайших вдохновений, которые дал он гениям за две тысячи лет. Никто не сможет парировать, уверен.

Но за Алекса я совсем не рад. Он не доходил до этого своим умом, на него снизошло. А где же его личный труд, где мысль, где кропотливая работа долгими ночами? Впрочем, я слышал, некоторые буддисты считают, что никакой работы быть и не должно, любое напряжение излишне и избыточно. Есть только то, что есть. Не стоит тужиться, даже если у тебя сильнейший запор. Умный, тебя понесло, прекращай. Настала пора переместиться из религии в политику, ты забыл? *Заткнись, Красивый. Без тебя знаю. Прости, читатель, этот снова*

прорвался в эфир. Затыкаю его, затыкаюсь сам. А впереди еще много интересного, светлого, доброго.

Особенности политической драматургии

– Лера, я постоянно вспоминаю тот спектакль, что вы сыграли с Ниной и тем красивым актером на мой день рождения. Вспомни, как все теневые ухохатывались. Их же всех просто корежило, крючило.

– И тебя тоже, почему только их. Мы старались, – Лера надула губки, медленно снимая платье. Достала телефон, села на колени к Алексу уже голая, сказав призывно: – Давай посмотрим еще разок, а? Люблю это видео.

Просмотр

– Мистер Смит, вы должны нам помочь уничтожить этого выскочку Алекса, – Нина и Лера, одетые как придорожные проститутки, сидели на мягком красном диванчике в кабинете тучного лысеющего психоаналитика мистера Ричарда Смита на 47-м этаже небоскреба 432 Park Avenue в Нью-Йорке.

Мистер Смит разминал не слишком волевой подбородок и думал. Дипломы и сертификаты, что сплошь покрывали стену за его спиной, думать не помогали.

– Позвольте, – хитро сказал мистер Смит, – как же я, простой психоаналитик из Нью-Йорка, могу помочь вам уничтожить одного из самых могущественных людей, да еще и в России? Девушки, вы точно не ошиблись адресом?

Лера кокетливо выпрямилась, подалась вперед. Массивная грудь проступила в полной мере.

Она сказала шепотом:

– Мистер Смит, видите ли. Пусть это и покажется вам странным, но мы обе – самые близкие девушки Алекса. Знаете, как у нас в России говорят? Половые подруги. И, конечно, мы пришли не с пустыми руками. Мы принесли вам множество секретных доказательств того, что чудовищный и циничный заговор России против США существует. Мы выкрали документы. Мы ненавидим Алекса и хотим его уничтожить.

Речь перехватила Нина:

– И какая разница, психоаналитик вы, владелец ресторана или разносчик пиццы. Вам что, не хочется стать знаменитым? Вы только представьте: вы, Ричард Смит, разоблачите заговор русских против США! Об этом мечтает каждый нормальный американец!

Мистер Смит вскочил, оттянул подтяжки, стал ходить по кабинету взад и вперед. Открыл шкаф, достал бутылку виски, плеснул себе немного, выпил, повернулся к девушкам. Лицо его выражало восторг:

– Знаете, это очень интересно! Я – патриот своей страны! Я согласен на сделку. А теперь расскажите, в чем же заключается заговор?

Нина улыбнулась, встала с дивана, нагнулась, стала копаться в своей сумочке. Ее округлые ягодицы приковали внимание мистера Смита. Лера это заметила и сразу пристыдила психолога:

– Мистер Смит, куда это вы смотрите? А как же профессиональная этика? Нехорошо, мистер Смит…

– Извините, – потупился толстяк. – Русские женщины, сами понимаете…

Нина вытащила из сумочки папки, фотографии, документы. Бесцеремонно села на стол мистера Смита, начала свой рассказ:

– Вот тут все доказательства, разработки, планы, чертежи. В самом общем смысле, мистер Смит, заговор за-

ключается в том, что все русское население собирается отпетушить все население Америки. Его к этому упорно готовят. Надо ли пояснять слово «отпетушить»?

– Otpetushit, – задумчиво повторил аналитик и смущенно улыбнулся. Объяснения были излишни.

– Женщины будут использовать вибраторы. В остальном все так же, как у мужиков, – русская американку в зад. Заговор разрабатывался за плотно закрытыми дверями тайного правительства России, изначально о нем знали единицы, только самые основные – золотая пятерица. Это у вас тут золотой миллиард, а у нас лишь пять человек, бабла на миллиард точно не хватит. Но, понимаете… У нас никто не умеет держать язык за зубами – даже теневое правительство. Поэтому план быстро ушел в народ. Не прошло и недели с окончания его разработки, как детали и подробности уже обсуждались в пивных, в курилках, на кухнях и в такси.

Мистер Смит сосредоточенно просматривал фотографии и документы.

– Я внимательно слушаю, – уведомил он. – Леди, продолжайте же!

Нина вновь пересела на диван, медленно положив ногу на ногу, как Шерон Стоун в известном фильме. Аналитик зажмурился.

Рассказ продолжила Лера:

– После того как о планах теневого правительства узнала вся страна, в России начался небывалый патриотический подъем. Вы наверняка смотрели репортажи о митингах и демонстрациях, что прокатились по стране в прошлом году? Вашим СМИ все было преподнесено как наше поистине всенародное согласие по вопросу легализации и повсеместного насаждения гомосексуализма в России, помните? И патриарх произнес тогда «Голубую проповедь», вспоминаете эти репортажи? Только это была не вся правда…

Аналитик оживился:

– Конечно, помню! Мы тут ликовали! Наконец-то Россия стала свободной страной, думали мы. Наконец-то она впустила в ворота Кремля прогресс. Я в изумлении смотрел прямую трансляцию «Голубого полка» с Красной площади. Столько гордости было в лицах мужчин и женщин, несущих свои фотографии над головами, – эти несравненные снимки, где они сами совокупляются с другими мужчинами и женщинами. И звуки марша, и воодушевленная, полная глубочайшего смысла «Голубая речь», речь вашего президента! И мавзолей, ставший на время проведения парада центром торговли вазелином и презервативами, – это нечто! Мы тут все плакали, да, леди, плакали навзрыд! Из-за той трансляции я пропустил бейсбол и встречу с сыном в субботу!

Лера и Нина насмешливо смотрели на мистера Смита.

– Ага. Все это так, – продолжала Нина. – Когда тайный план вырвался на улицы, делать было нечего. Было решено в короткие сроки увязать его с патриотической идеей. А фотографии, что гордо несли наши граждане… тут отдельная история. И это, кстати, была разработка лично Алекса. В общем, в кратчайшие сроки у нас был создан «Российско-американский патриотический гей-центр». Что-то вроде некоммерческой организации. Там и была разработана новая доктрина – «гей-патриотизм». Писатели выступали, политики, бизнесмены – вы все это видели по телику.

– Видел! – выкрикнул аналитик. – Одного только не пойму. Ладно, мужчины. Но почему женщины женщин петушили в анус… Лесбийская любовь – это же другое… Это иначе…

Заговорила Лера:

– Ничего-то вы не понимаете, мистер Смит. Все эти ваши оттенки розового – не по-нашему. Сказано: в зад

всех отпетушить – значит, будет в зад. Баба бабу, мужик мужика.

Мистер Смит захлопал глазами, выдохнул нервно.

– Сначала, – продолжила Лера, – правительство всеми средствами убеждало наше население, что гомосексуальные половые акты, в которых русские в активе, американцы в пассиве, – это доблесть, гордость, честь. С этим проблем не было. Уже через месяц, если в пивнухе или в курилке кто-то осмеливался сказать, что иметь в задницу мужика или бабу, какой бы национальности они ни были, – это зашквар, ему или ей тут же ломали нос, даже не спрашивая, где он служил или она сидела. Идея гей-патриотизма попала точно в цель, вызвав небывалый подъем в политике, а потом и в экономике России.

– Если проще, то оттрахать в зад американоса – это стало у нас основой основ, фундаментом и скрепой, – дополнила Нина.

Мистер Смит метался по кабинету и восторженно повторял:

– Zashkwar, Zashkwar. Отменное слово! Нужно обратиться в ассоциацию психоаналитиков, надо сделать для них доклад, где я выступлю, как создатель нового диагноза! Zashkwar! That's beautiful!

– Подождите же, дослушайте! – крикнула Лера. – Основной идеей создания «Российско-американского гей-центра» было вот что. Для того чтобы избежать насилия над американским народом, нужны были добровольцы с вашей стороны. И наше правительство начало работу. К американцам, проживающим на территории России, Восточной Европы и самих США, приходили специально обученные люди, предлагая пройти тест. Вопросов было несколько: «Любите ли вы свою страну?», «Вы хотите, чтобы Россия из врага превратилась в друга США?», «Согласны ли вы с тем, что между активным и пассивным

гомосексуалистом нет никакой разницы, оба свободные граждане открытого мира?», «Ради торжества свободы и демократии согласны ли вы вступить в половую связь с русским?» В десяти из десяти случаев на все вопросы был получен ответ «Да!».

Мистер Смит захлопал в ладоши, заорал:

– Да! Да! Конечно же, да! И как это я пропустил этот тест? Наверное, был в это время в бассейне…

В кабинет робко заглянула секретарша:

– Мистер Смит, все в порядке?

Аналитик вмиг стал серьезным и сообщил деловым тоном:

– Конечно, Кэтрин. Все окей. Я работаю с пациентками. Отмени все остальные встречи на сегодня.

– Но, мистер Смит, там миссис Томпсон…

– Кэтрин, вы уволены, – ледяным тоном сообщил аналитик. – Прошу, продолжайте, – сказал он, закрывая дверь на ключ.

Нина поднялась с дивана, подошла к окну, с грустью смотрела на заходящее солнце.

– А что тут продолжать, – сказала она. – Вот вам все материалы, все документы. Вы пойдете в газеты и на ТВ, расскажете об утечке, о тайном плане русских; скажете, что за первую неделю работы организации двести тысяч американцев в возрасте от 18 до 65 лет согласились добровольно подставить задницы русским ради насаждения свободы и демократии. И что на фотографиях, которые нес русский народ на патриотической акции «Голубой полк», запечатлены в качестве пассивов именно американские граждане, а также американцы, проживающие за пределами США.

Лера прикурила тонкую сигаретку и продолжила:

– Мистер Смит, вы тут же станете знаменитостью. Человеком, который разоблачил русских. Вы также при-

стыдите ту часть американцев, которые пошли на такое унижение, когда подписали бумаги, заключили «пассив-контракты», подставили свои задницы. Вы станете национальным героем! После смерти вашу скульптуру поставят рядом с памятниками отцам-основателям! Мистер Смит, вы войдете в историю!

Аналитик медленно снял галстук. Расстегнул ворот рубашки. Помял себе шею. Взгляд его стал серьезным, лоб сжался от важных мыслей. Он налил себе полстакана виски, залпом выпил, спросил:

– Эта программа все еще действует?

– Еще бы! Наши в специальных подземных бункерах в Сибири и на Урале целыми днями трахают американцев и делают фотографии для следующего «Голубого полка». Кроме того, разрабатывается план, как отыметь в зад вашего президента. Если он не пойдет на это добровольно, его изнасилуют. Они найдут как. Не забывайте, мистер Смит, все тайные разработки КГБ не только до сих пор успешно применяются, но с каждым годом модифицируются, дорабатываются с поправкой на время и обстоятельства. На этот раз акция будет всероссийской. И то, что мы трахаем американцев, будет объявлено уже в общемировом масштабе. После чего Алекс и Ко начнут гомосексуальное наступление на вашу страну уже глобально и открыто. После США – весь мир. Поэтому мы скорее хотим все обнародовать. Мы хотим, чтобы Алекса и его приспешников успело разоблачить мировое сообщество. Мы хотим для них новой ночи длинных ножей. Мы хотим защитить честь американского народа. Поэтому мы здесь. Поймите, скоро будет поздно!

Мистер Смит подошел к своему столу, взял с него настольный американский флаг, поставил на пол. Подошел к стене, снял портрет президента, поцеловал его и тоже положил на пол, рядом с флагом. Открыл потайной сейф,

вытащил оттуда блестящий черный вибратор, протянул его Нине. Нина, опешив, машинально взяла резиновый член в руку, непонимающе смотрела на него.

Аналитик расстегнул ремень штанов, снял подтяжки – брюки упали вниз. Затем спустил трусы. Вытащил из кармана рубашки мобильник, настроил камеру, протянул телефон Лере. Опустился на четвереньки – мясистой задницей к девушкам.

– Приступайте, – сказал твердо. – Я хочу немедленно поучаствовать в акции.

Конец просмотра

– Прекрасно, как бескрайний космос! – хохотал Алекс. – В театр ходить я больше не буду – скучно! Тут простые русские девахи такое замутили! Да я сделаю вас главными по всем театрам в стране, лишь щелкнув пальцами. Нет, надо выносить эту вещь на всеобщее обозрение. Конечно, укрупнить, развить, доработать. Это прекрасно. Сколько смотрю – столько радуюсь, как дитя. Я обожаю, обожаю, обожаю тебя…

Если Алекс сказал, то непременно сделает. Этот использует кого хочешь, не сомневайтесь. Есть у него одна особенность – в мгновение переключаться: то он похож на быдло, знающее пару слов из политического лексикона, то вдруг он – утонченный философ и политик, имеющий в запасе тройку бычье-пацанских выражений. Я убежден, именно за такими экземплярами будущее России! *А я тебя не спрашивал, отключись отсюда. Вон! Вон пошел! Читатель, я снова вынужден просить за него прощения. Лезет и лезет. Ладно, забудем о нем. Давай лучше посмотрим, кто же такая Лера. Я-то ее хорошо знаю. Настало и твое время.*

Лера. Расфокусировка vs оргазм

Нет, Лера вовсе не была шлюхой. Она просто искренне любила богатых и знаменитых. Притом, если возможно, духовно развитых. Лера не трахалась с кем попало, даже если у него были частные апартаменты в Кремле. Кремль вообще не привлекал Леру. Он непродуманный, считала она. Огромный, бордовый, суровый внутри и снаружи. Как глупо быть таким, размышляла Лера.

Вот Алекс Леру привлекал. Он богатый и сумасшедший. Нет разницы между духовностью и сумасшествием, полагала Лера. Где одно, там и другое. Если это вообще не одно и то же. А наличие денег и положения у безумца возбуждало ее до крайности, до исступления. Такого быть не может, но оно есть. Этот факт расщеплял Лере сознание. И процесс распада погружал ее в теплые околоплодные воды жизни.

Алекс в ее поле зрения появлялся редко, но когда он приезжал, все остальное теряло для Леры всякий смысл. Все уже догадались, что Лера была подругой Нины? У настоящих подруг всегда так: самец не является причиной для раздора, особенно если связь удается скрывать. В конце концов Нина тоже далеко не так чиста, как кажется. Есть и за ней грешки, это понятно. Алекс много работает, а что делает она в это время? Никто не знает.

Лера смотрела в стену. Узор обоев расплывался перед глазами – она практиковала расфокусированный взгляд. Один даосский монах научил ее этому методу, хотя в этом есть сомнения.

– Лучше совсем не трахайся в позе, которая ставит тебя в неловкое положение – задницей к мужчине, а значит – к основе бытия. А если уж трахаешься, то делай это в расфокусировке, – поучал мудрый монах. – Пытайся увидеть и максимально осознать то, что справа от право-

го зрачка, и слева от левого. Это сильная духовная практика, и она нейтрализует твое падение.

Поначалу у Леры ничего не получалось – зрачки съезжались в кучу, вместо того чтобы расходиться в стороны. Но два года упорных тренировок сделали ее настоящим профи.

Была и неувязка. Ее оргазмы становились все чаще и ярче, даже если партнер, мягко скажем, оставлял желать лучшего. Но ведь это противоречие, думала Лера. Если расфокусировка – это духовная практика, то к оргазмам, процессу слишком человеческому, она не должна иметь ни малейшего отношения. Не бывает греха и его отсутствия в одном действии.

Лера пошла к монаху с вопросом. Так, мол, и так. Бывает, сказал монах. Весь секрет в памяти. Что тебе больше запомнится – то и будет истиной. Яркие и частые оргазмы или радость от продвижения в духовной практике? Сядь в темноте. Забудь обо всем. Закрой глаза, заткни уши, заткнись сама. И вспомни свой половой акт. Что выскочит из памяти в первую очередь, с тем и живи.

Но Лере такой подход не понравился. Она сделала все по-своему: наслаждалась оргазмами через раз. Один раз – продвижение в практике, следующий раз – блаженство оргазмов.

Вот сейчас она наслаждалась расфокусировкой. Обои перед глазами превратились в черную дыру, а справа и слева от нее плясали тени. Ей было хорошо.

Алекс долбил Леру сзади, худенькое тело ее взлетало над кроватью при каждом ударе его массивного таза о ее более чем аккуратные ягодицы. Пару оргазмов она уже испытала, но, но, но – сегодня был не их черед.

Беседа Алекса и Леры текла легко, как и всегда, когда он имел ее сзади. Леру давно мучил один вопрос. И она решила, что сегодня самое время все прояснить...

– Алекс, твоя Нина не умеет держать язык за зубами. Она все мне рассказала. Примерно месяц назад.

Когда Лера говорила это, голос чуть вибрировал – оно и понятно, движения Алекса нешуточно сотрясали ее тело. Алекс молча работал, не понимая, о чем она вообще. Небольшой оргазм сбил Леру с мысли, она легонько вскрикнула, но быстро переключилась на расфокусировку и продолжила.

– Алекс, Нина мне все рассказала, – повторила свою мысль Лера. Алекс наконец услышал ее.

– Что она тебе рассказала, о чем ты? – спросил он, переключившись на более размеренный темп.

– О вашем сексе, вот о чем.

Лере стало больновато, она решила не говорить об этом ему. Алекс задышал интенсивнее. Спросил:

– Что же она тебе рассказывала такого, а?

Лера не знала, как сказать. Простую, в сущности, вещь оказалось неимоверно трудно выразить словами. К тому же ее расфокусировка снова сбилась, и она пыталась восстановить ее. В тот же момент она поймала большой и длительный оргазм, и все окончательно смешалось у нее в голове. Лера закрыла глаза, чтобы собраться.

Алекс не унимался, спрашивал, что же такого рассказала Нина. Лера наконец собралась:

– Она рассказала, как вы занимаетесь сексом.

– Это я уже слышал, тебя что, заело?

Алекс начал постанывать, это означало, что его выплеск случится совсем скоро. Лера за тот год, что они вместе, привыкла к его грубостям. И просто говорила дальше:

– Алекс... я представила, я просто представила... Нина рассказывала об этом с отвращением... Она – примитивная самка. Просто похотливая сука, упитая сухим винцом и сырым вискариком... А я представила, как ты трешься

об нее. Об ее безупречные наливные ягодицы... То с одной стороны, то с другой... И мне стало обидно! Я негодовала! Почему с ней ты используешь этот очаровательный секс, а со мной – обычную банальную тряску, как сейчас? Всегда – как сейчас. Чем же она лучше меня? Неужели красивее? Или стройнее? Или сиськи у нее больше? Так нет ведь – все у нас одинаково.

Алекс стонал громче, двигался быстрее. Он закричал: родная, родная моя, девочка моя, папочка готов, он уже готов, любовь моя, заткни свой поганый рот, хорошая моя, тварь ты конченая, да кто ты такая, чтобы лезть в наши с Ниной отношения, твое дело стонать в стену, ах, милая, ах, хорошая девочка, киска моя, нежная моя.

Алекс взорвался и заорал: да нету ее больше, слышишь, мразь?! Убили, убили, убили Нину! Ее больше нет! Да ты! Кто ты такая, чтобы я терся о твою жопу, сука? Ты понимаешь или нет?! Ее убили, мразь. Ты просто дырка, рваная вонючая дыра, понимаешь, кто ты?!

Алекс вскочил с кровати, схватил Леру за волосы, потащил ее в кухню. Лера брыкалась, била ногами по полу, но вырваться не могла. Она лишь визжала сквозь слезы: вот такой ты христианин, да? Вот так вот? Давай, потрись об меня, потрись, потрись, потрись! Хочу настоящего тебя, хочу подлинного, хочу духовности, хочу-у-у-у... И правильно, что эту тварь убили, туда ей и дорога. Скользкая и грязная тропа.

Алекс обезумел. Перевернул Леру головой вверх, наступил ей на горло. Потрись, а потом души, прошу тебя, прокряхтела она. Ага, сейчас, выдавил Алекс и страшно улыбнулся.

Лера быстро угасла, как и не было ее. Алекс наклонился к самому ее лицу. Ласковым движением убрал волосы с ее лба.

...Прошептал: и я найду его. Убийца Нины будет найден.

Воспоминания Нины № 5

«Я нашла место, где живет дед Жавю, по фотографии: они с Алексом на фото вместе, смеются, высунув языки, сзади дерево, а на нем приколочен синий бык – знак одной туристической группы. Я нашла их главного. Он рассказал мне, где то место. Искала ровно неделю. Его дом стоит почти что в лесу, на окраине села, название которого я не помню.

Дверь не была заперта, и я вошла в дом. Уже вечерело, накрапывал дождик.

В доме деда Жавю было жутковато. Я позвала его, крикнув просто – дед. Два раза. Никто не отвечал, лишь что-то зашуршало под кроватью, которую я еле различала. Я медленно подошла ближе. С кровати свисало покрывало. Казалось, оно покачивается, но ветра не было.

Из-под кровати определенно доносились звуки – что-то царапалось там и шуршало. Я осторожно заглянула туда – там что-то шевельнулось. В темноте я не могла понять – кто там. Тело двигалось, будто качнули неваляшку – туда-сюда, взад-вперед. Это был дед Жавю. Что он делал там – один, в темноте, под кроватью?

Мне уже не было страшно. Но его голос заставил меня вздрогнуть. Он попросил отвертку. Я машинально стала искать ее. Она лежала рядом. Протянула ему под кровать. Он взял. Из-под кровати снова заскрипело. Он стал расспрашивать, зачем пришла, чего хочу. Я рассказала, что Алекс пропал, что не выходит на связь уже три месяца. Дед перебил, попросил гаечный ключ. Я пошарила рукой по полу, нашла. Отдала ему, а он вернул мне отвертку. Снова заскрипело под кроватью. Он все расспрашивал, как давно мы знакомы, хорошо ли нам вместе, сколько раз в неделю у нас скачки и не хотим ли мы совместного ребенка. Я рассказала про Маринку… Он извинился.

Сама не знаю, с чего вдруг, но я перескочила на рассказ о своем детстве. Тот эпизод, когда я впервые попала в детский театр. Я так хорошо помню те моменты. У меня ничего не получалось. Я не могла сыграть ни Красную Шапочку, ни лисицу, ни Золушку. Преподаватель орала на меня, лицо ее сжималось, словно старая губка для мытья посуды, глаза светились иссиня-черным. Я рассказала, как она трясла меня за плечи, как однажды больно ударила между ног, обзывая бездарной тварью.

Дед Жавю вернул гаечный ключ и потребовал банку сгущенки. Она стояла в метре от меня. Я подала ему ее. Дед выкрикнул из-под кровати, чтобы я заткнулась, что он хочет и дальше общаться с моей матерью, а не со мной. Я не поняла, о чем это он. И снова перешла на рассказ о том, как живется нам с Алексом, о том, что он ушел и я не знаю, где он. Я перешла на крик, я плакала.

Сколько, сколько можно ждать его, искать его, звонить его отключенному телефону. Сколько можно так жить. Так нельзя жить. Он совсем слетел с болтов, кричала я. Он обезумел. Таких нельзя, нельзя, нельзя допускать к управлению государством. Он же вечно пропадает. Он проваливается куда-то. Он неуловим. Я кричала и била отверткой пол.

Дед Жавю чавкал под кроватью сгущенкой. Облизывал пальцы, причмокивал. И чем громче я кричала, тем громче он это делал. Шумно ел и противно посмеивался.

Я сама не заметила, как перешла на самые черные ругательства, покрывая злыми проклятиями самого деда Жавю. Вонючая подлая тварь. Злобный горбатый гном. Вяленый труп. Я то осознавала себя, то нет. Выключалась и включалась, будто тревожная лампочка. А дед возился под кроватью, жрал сгущенку, хохотал как пьяный домовой.

Вот так, мамочка, давай, говорил он сквозь смех. У меня вот мамки не было, один я, сирота, причитал. Я по-

катилась по полу – сама не знаю, как это случилось. Ударилась о стену, посыпалась штукатурка. Дура, ремонт будешь делать, крикнул дед из-под кровати. Оттуда выкатилась пустая банка, завертелась юлой в центре комнаты, облитая лунным светом. Что-то ударило в глаза – и снова тьма. Опять удар света – и тьма. Свет – и тьма. Я с ужасом осмотрела себя – я загоралась и гасла, загоралась и гасла.

И вдруг у меня в голове взорвалось: нельзя сравнивать себя с чем-то. Я же сказала – включалась и выключалась, словно тревожная лампочка. И стала ей, тут же стала лампочкой – тусклой, пыльной, с мухами и молью внутри.

Крик вдруг разорвал меня пополам. Пустая банка продолжала вертеться на полу. Это порождало такой грохот, словно огромный завод вдруг запустил все свои станки сразу.

Лохматый, грязный, заросший бородой дед Жавю выполз из-под кровати. Лицо его заливала кровь. В руке он держал длинный гвоздь – и с силой вонзал его себе то в одну, то в другую ноздрю. Черные сгустки падали к его ногам после каждого удара.

Гвоздь вонзается в ноздрю – и я загораюсь. Выходит из нее – я гасну.

Дед медленно приближался: страшный, безглазый, оплывший лицом. Старческая морда его таяла, плавилась, клоки бороды медленно тянулись вниз, словно обильные сопли, поросшие волосами. Он медленно и вязко произнес – воооот тааак, маааамоччкааа, всееегдааа прииияяятнооо теееебяяяя пооослууууушаааать.

Голова его расплавилась, стекала по худому телу и ногам вниз. Я стала включаться/выключаться все быстрее, мухи и моль бились о мои внутренности с такой силой, что с каждым ударом часть кишки, печени или почки вылетала через рот наружу.

Вдруг банка прекратила вращение».

Слушай, попроси у меня прощения и дай пообщаться с читателем. Хочу почувствовать себя автором, словно на встрече… автографы, овации, красивые женщины… *Это ты, что ли, автор, мыслеформа недобитая? Иди детей в кроватках пугай. И никаких разговоров. Не встревай.*

Интересно, что же такого сообщила нам предыдущая глава? Нет, дед был совсем не такой злой и безумный, как могло показаться. Просто его любовь к людям выходила порой за все возможные рамки. Но больше всего ему не нравилось, когда кто-то искал то, что не являлось потерянным. А даже если ты кого-то потерял, ищи лучше себя. Это вернее. Я не уверен, но мне кажется, дед хотел сообщить Нине именно это…

Кровь и песок

Алекс увидел большой красный джип, марку которого он определить не смог. Дверь водителя была открыта. Убийца Нины только что скрылся за поворотом горной дороги – об этом говорила пыль, что взметнулась вверх и теперь медленно оседала.

Он быстро погрузил труп Леры в багажник, сел в машину. Ключ был вставлен в зажигание. Взревел мотор, и Алекс рванул с места. За поворотом дорога стала прямой, шла немного в гору. Машина набрала скорость за считаные секунды.

Мотоцикл, на котором гнал убийца Нины, почти летел по воздуху далеко впереди. Алекс заскрипел зубами: догнать его на таком расстоянии будет сложно. Он давил на газ, словно топтал тараканов – лихо, зло. Так они и мчали на равном расстоянии друг от друга.

Вдруг Алекс заметил, что мотоцикл стал чуть ближе. Затем еще ближе, еще… Не прошло и минуты, как он остановился совсем. От него шел густой черный дым.

Алекс сбросил скорость до 20 км/ч, выхватил из кармана пиджака свой любимый Colt Python, прицелился, выстрелил. Человек упал, мотоцикл рухнул рядом. Алекс выскочил из машины и кинулся к нему. Раненый пошевелился, медленно встал и заковылял по обочине в сторону холмов. Похоже, что Алекс ранил его – он неуклюже держался за бок обеими руками, вероятно, зажимая ладонями рану. Через секунду он скрылся за ближайшим холмом.

Алекс побежал. Поддавая ботинками комья земли, словно плохой футболист.

Далеко он не уйдет, злобно размышлял Алекс. Скоро все кончится.

Приблизился к холму, обогнул выступ. Человек полулежал в сером песке. Он задыхался. Из его левого подребелья сочилась кровь. Он зажимал рану рукой, но толку от этого не было. Она лилась маленьким ручейком, смешиваясь под ним с грязным песком.

Алекс устало дышал. Присел на корточки и всматривался, вглядывался в лицо человека, которого ненавидел больше всего на свете. Что было в этом лице, в глазах, волосах?

Тип его был восточным. Иранец, араб? Какая разница. Он был плотного телосложения, довольно красивым, лет тридцати пяти. Большие черные глаза с загнутыми почему-то книзу ресницами внимательно смотрели на Алекса. Мучительная улыбка исказила лицо его, и он сильнее зажал рану рукой.

Алекс и сам не понял, как бросился на убийцу Нины. Он бесчисленное количество раз ударил его кулаками обеих рук по лицу. Столько же раз пнул его ногой в живот, не думая о том, что через раз попадает прямо по ране.

Незнакомец залился кровью. Он хлюпал и откашливался. Из ноздрей его выдувались красные пузыри.

Алекс посмотрел на свои руки, они были в крови вместе с рукавами пиджака. Он упал на колени, прерывисто задышал от накатившего безумия и усталости.

Ему хотелось орать, но он заговорил спокойно, надтреснутым голосом:

– Ты понимаешь, кого ты убил? Ты убил целую большую жизнь. Ты отправил на тот свет всю мою судьбу. Сейчас, перед мучительной смертью, что ждет тебя, скажи – почему, для чего, зачем?

Незнакомец лишь часто дышал и отплевывался.

Алекс лег на песок, без эмоций смотрел на истекающего кровью незнакомца.

Заговорил тихо, тускло:

– Она сама меня нашла. Она пришла без спроса. Я понял сразу, до нее я и не жил вовсе. Как это странно. Нина… В коротком бежевом платьице, со смешными заколками в волосах – просто подошла ко мне на банкете и улыбаясь протянула бокал вина. Я подумал, что она очередная пронырливая журналистка. Спросил, из какого она издания. Она лишь шире улыбнулась, ничего не ответив. Господи, как она была красива, моя невеличка.

Алекс яростно сжал кулаками песок и кинул его в убийцу:

– Тварь… Ты не понимаешь, с кем связался. Ты не представляешь, что я сделаю с тобой. Я буду рвать тебя, буду ковыряться в твоих глазах пальцами. Я найду самого маленького карлика на свете с самым маленьким членом в мире – и заставлю его трахать тебя в обе ноздри, а потом – в уши.

Он встал, походил взад-вперед, обхватив голову руками, сел перед незнакомцем – и зарыдал:

– Ее уже пытались отнять у меня. Это была ее мамаша – совершенно чокнутая мразь. Бесноватая, больная, грязная. Она травила своим ядом Нину все ее детство. Мы думали, что с моим появлением в ее жизни это прекра-

тится. Ничего не прекратилось, все стало только хуже. Она часто приезжала к нам на ночь. Я не мог и не хотел этому препятствовать. И ночами в комнате для гостей шептала, стучала ногами по полу, хихикала. И я, и прислуга, и Нина – все мы пытались успокаивать ее, укладывали в постель. Она лишь кричала, кусалась, проклинала всех нас. Проклятая тварь…

Незнакомец кашлянул, голова его стала заваливаться на бок. Свежая струйка крови потекла из носа поверх подсохшей. Алекс вскочил, схватил умирающего за подбородок.

– Не-е-е-т, ты еще поживи, – злобно прохрипел он. – Наберись сил, рано тебе еще. Что у нас дает силы, а? Правильно! Питание!

Алекс одной рукой разжал челюсти незнакомца. Изо рта его хлынула кровь. Выбитые зубы плыли в потоке, словно лодки по горной реке. Второй рукой он стал пихать в рот убийце песок. Одну горсть, вторую… Схватил его за подбородок и стал двигать челюстями вверх-вниз, приговаривая:

– Вот так. Устроим тебе искусственное жевание. Кушай. На здоровье, – шипел Алекс, давясь собственной слюной. Незнакомец стонал, медленно моргая окровавленным глазом. Второй глаз полностью заплыл, и слива лишь подергивалась в конвульсиях.

Алекс обтряхнул руки от песка и снова сел перед незнакомцем. Щурился, смотрел в небо, скалился на солнце, продолжал:

– А однажды… Нина ушла плавать в бассейн. Мы сидели в гостиной. Я и она. Ее мамаша. Тогда я впервые остался с ней вдвоем. Она начала задавать вопросы, которые ее никак не касались. Когда Россия присоединит Польшу. Сколько американцев сейчас работает предателями родной страны, сливая все в Кремль. Как движутся

исследования и внедрение новых технологий в области ИТК и ФЭГ, удается ли нам записывать голоса в более хорошем качестве. Этот вопрос ее особенно волновал, и она повторила его дважды. Сука, думал я про себя, тебя все это не касается. Если ты мать Нины, это еще ни о чем не говорит. Заткни хлебало, заткни, заткни. Моя голова лопалась от ее присутствия. Бедная Нина, думал я. Как же прожила она с ней столько лет?..

А потом она подошла ко мне. Села на колени, предложила потрахаться, пока Нины нет. Она смеялась, рассказывая, как ее имел бывший муж Нины, этот безумный любитель ворон. Она тоже проделывала для него все эти манипуляции с отражением изображений. И все это за спиной у дочери. Я послал ее к черту. И запретил появляться в моем доме. А она лишь смеялась.

Перед тем как уйти, она сказала:

– Я хочу внучку. Еще одну. Прежняя умерла, ты же знаешь. Сделайте ребеночка, заведите мне еще одну миленькую внучку. Сделайте стареющей женщине подарок. Я так хочу любви, Алекс. Любви маленького ребенка, девочки. Я возьму ее любовь – и снова убью. А потом вы еще родите. Я буду забирать любовь – и убивать их...

И снова хохотала. Как же она хохотала… Не могу забыть и сейчас. Смех и плач сразу, в едином порыве. Смех и плач в одно мгновенье.

Незнакомец вяло поднял руку, подзывая Алекса к себе.

– Чего тебе? – Алекс снова начал накаляться. – Добавить песочку? Это мы с удовольствием, сейчас… Проголодался, понимаю.

Незнакомец дал понять, чтобы Алекс наклонился к его губам.

Алекс склонился как можно ближе, почувствовав резкий запах крови.

Умирающий еле разлепил губы, чтобы хрипло шепнуть:
– Он побежал туда…
Несчастный указал пальцем направление. И затих.
Алекс повернул голову – и увидел его…

Воспоминания Нины № 6

«Я поставила свою палатку рядом с Лериной. Она обиделась, что я не согласилась жить с ней в одной палатке. Я просто хотела спать одна. Остальные разместились чуть поодаль, ближе к реке.

Пришел вечер, все выползли на лобное место, достали гитару, бубен. Андрей разжег огромный костер, мне было весело и хорошо. Я села на бревно и стала грызть семечки. Никогда еще они не были такими восхитительными. Я тогда не променяла бы их и на самый дорогой ужин в ресторане. Так бывает.

Ваня подкидывал ветки в костер, красиво морщась. Искры летели вверх и в стороны, будто звезды вдруг устроили соревнования по прыжкам в высоту. Красивые, смелые искры. Мне почему-то захотелось плакать.

Лера подошла и тихо села рядом со мной на бревно. Она была одета в синий спортивный костюм, волосы собраны в хвост. Она выглядела странно и смешно. Лера любила вычурные прически. И вдруг простоволосый хвост.

Ребята пели что-то веселое. Динка скакала вокруг них, водя хоровод сама с собой. Она уже порядком окосела. Что там у них было? Водка и вино. Все мешали. Быстро и озорно пьянели.

Лера завела разговор о необъяснимом. Мы, как и наши палатки, расположились чуть в стороне от остальных. Они нас не слышали. Она рассказывала, как в юно-

сти ходила в поход с классом. И ночью на их палатку, в которой они спали втроем, с дерева что-то свалилось. Какой-то подвижный комок – так они его опознали с перепуга. Он еще и светился, сказала Лера. Мы явно видели это через брезент. И начали бить друг друга кулаками – и визжать. Почему мы это делали? Мы ничего не понимали, не узнавали друг друга. Парень, с которым я встречалась, плюнул мне в лицо. Я до сих пор помню запах его слюны. Она пахла дешевым пивом и табаком. Я схватила его за волосы и ударила лбом о край палатки. Там лежали разные банки, бутылки, консервы. Говорят, шрам у него остался по сей день.

Лера рассказывала все это тихо, спокойно. Словно вспоминала о чем-то приятном. К нам подбежала пьяная Динка:

– Девки, пойдемте со мной в туалет, мне страшно одной.

Лера ушла с ней. Они долго смеялись где-то вдалеке.

Я рассматривала костер. Просто не могла отвести от него глаз. Рассказ Леры не шел у меня из головы. Я всматривалась в огонь и представляла себе, что это он свалился на их палатку тогда.

Костер, свернутый в сферу. Медленно свысока летит клубок из огня, врезается в брезент и сводит с ума всех, кто внутри. А потом все горит и плавится – их головы, тела, палатка, консервы, удочки, лес, небо. Кто знает, где начинается и заканчивается огонь? Он всегда и везде разный или один на всю вселенную?

Динка пошла дальше пить и кричать глупости. Лера села рядом со мной, чуть ближе, чем в первый раз. Она молчала, смотрела на огонь и на звезды. И курила одну за одной. Она попыталась взять меня за руку, я машинально отдернула ладонь. Она усмехнулась.

– Огонь и звезды, ночь чудесна, – сказала отрешенно.

Меня вдруг потянуло в сон. Я сказала ей, что иду спать. Лера приняла это равнодушно. Она пошла к остальным, ей налили водки, они все вместе стали что-то петь. Потом орали, смеялись, прыгали через костер. А я легла и быстро заснула.

Ночью меня разбудил голос Леры. Она говорила властно и строго – открой палатку, впусти меня к себе. Пальцы ее лихорадочно пытались дернуть молнию вверх, но я ухватилась за нее, чтобы она не сделала этого. Лера стала злобно шипеть, ходить вокруг палатки, угрожающе повторяя одно и то же: открывай, я хочу тебя, открывай, я хочу тебя.

Она ударила по палатке сверху, чуть не завалив ее на бок. И снова металась вокруг, рыча, словно обиженная волчица.

Лера снова бросилась ко входу в палатку, попыталась дернуть молнию. Я успела зажать замок в руках, она скользнула мне по пальцу ногтем, разодрав его. Лера два раза ударила ногой, пытаясь попасть по мне через брезент. Оба раза я увернулась. Ледяным монотонным голосом она повторяла: сучка, сучка, сучка, открывай, ты будешь моей.

– Лера, успокойся! Уходи к себе! Я закричу! – громким шепотом заорала я.

Она не успокоилась. Стала рыскать вокруг палатки с удвоенной силой, кричала, рычала, била по брезенту руками и ногами – так мне казалось изнутри. Это была уже не Лера, это было страшно. Я заползла в спальный мешок, легла подальше от стенок палатки, посередине.

И вдруг все стихло.

– Ладно, утром увидимся, – сказала Лера своим обычным голосом и зевнула. – Пойду я спать. Хороших снов, любимая подруга.

Мы никогда не вспоминали с ней тот случай… »

Когда… Кхм… Когда женская страсть просыпается внезапно – это тяжесть для всех: и для субъекта, и для объекта вожделения. Как раз внезапность возникновения страсти у одного пугает обоих. Это все равно что увидеть покойника, когда тебе пять лет. Покойник – он какой-то не от мира сего. Он чужой. Так и здесь. История человеческих отношений долгое время развивалась в определенном русле. И вдруг – взрыв, что-то пошло не по плану, простыня обыденности треснула, запачкалась девственной кровью. И никто ничего не объяснит. Никто не разложит по полочкам – вот это так, а это сяк.

Не уверен, что Алекс знает про тот случай… Хотя все возможно. А нам пора в путь по следам убийцы Нины.

Птица с одним крылом

Алекс помнил и не помнил этого человека. Он встречался с ним, но когда? Тысячу жизней назад? И с чего Алекс взял, что он поможет найти убийцу Нины? Все в его голове указывало на него. Сомневаться не было времени… и права.

Алекс знал сейчас только одно. Найти убийцу Нины – это все, что нужно ему в жизни. В этом и только в этом вся соль и весь сахар. Ради этого он орал при рождении. Для этого он ходил с родителями в зоопарк. Ради этого ему били нос в школе. Для этого он курил марихуану в институте. Ради этого ходил в кружок юных политологов. Для этого пять лет изучал психологию, философию, оккультизм, ораторское мастерство и искусство манипуляции сознанием масс. И этот человек, которого он помнил и не помнил, – тоже здесь для этого.

...И он повел Алекса по узкой тропинке навстречу красному свечению. Они подходили все ближе к свету, становилось жарче.

Вошли в небольшую комнату. Посередине бурлила вода – целый бассейн кипятка. Его проводник потер руки, рассмеялся, разбежался и прыгнул рыбкой в это розовое варево.

Вода успокоилась, улеглась. В комнате стало почти темно, лишь небольшой кусочек неба виднелся сквозь маленькое окошко в потолке. Алексу показалось, что в глубине бассейна заработал механизм – словно включилась бетономешалка. Он стоял и смотрел на воду в оцепенении.

Вдруг оттуда показался предмет, похожий на стеклянный шлем.

Алекс наблюдал.

Внутри большого шлема помещался такой же поменьше. Обе стеклянные сферы крепились к металлическому шесту, уходившему в воду. По центру маленького шлема располагался фонарь, который быстро вращался во все стороны, вверх и вниз. Сознание Алекса словно проткнули отверткой. Оно застыло между двумя полюсами: этот шлем сообщает что-то конкретное или движения фонаря внутри него хаотичны?

Застыв меж двух вариантов, Алекс словно бы рассыпался. Но вмиг обрел себя. И увидел дверь в противоположной стороне комнаты.

Побежал. Дернул. Вошел.

И снова приблизился к тому же бассейну. Вода в нем бурлила, но теперь еще и пенилась.

Трое толстых бородатых мужиков поочередно ныряли под воду, будто играли в игру. У них были длинные волосы и почти одинакового размера проплешины на макушках. Один держал в руке бутылку шампанского, другой большую жабу, третий намокшую сигару.

Толстяки хохотали, выпускали друг в друга струйки воды изо рта. Только сейчас Алекс заметил на их бабьих

сиськах большие позолоченные кресты на толстых цепочках.

Поныряв, мужики продолжили выпивать: глоток шампанского, целование жабы, затяжка потухшей сигарой. И так по кругу.

Алексу стало нестерпимо душно.

Один из мужиков заметил Алекса, плюнул в бассейн, проорал:

– Не суди строго, милый. За простым человеком один бес ходит, а за нами десять!

Все трое захохотали. Тот, у которого в руке было шампанское, поливал им остальных.

Один, самый здоровый из всех, противным голоском пропел:

– Не желаете ли исповедоваться, молодой человек? Душа же давно почернела, как лепешка коровьего дерьма на солнце?

Снова общий хохот.

– Прыгай к нам, искатель. Ты же хочешь стать добрым христианином? Время пришло. Вдруг убийца Нины тут, под водой. Ублажает троих служителей церкви по очереди.

Смех, плескание, вонючие газы из глубин. Жаба полетела в Алекса. Упала позади него, издав громкий шлепок, – и сладко захрапела мужичьим храпом.

Алекс заметил еще одну дверь. Он выбежал в нее. Узкий темный тоннель. Алекс точно знал, что убийца Нины побежал туда. У него есть запах, есть тело, есть имя. Это совершенно конкретный человек, Алекс знал. Он даже предполагал, кто это может быть. Кандидатур было несколько. Андрей Евгеньевич, верховный председатель теневых, один из них. Самое злое и страшное предательство исходит от самых близких. Алекс это знал.

Он помчался вперед.

Тоннель петлял, горло его поворачивало то вправо, то влево. Алекс уже не выдерживал напряжения, все внутри него клокотало. Он заорал – не ртом, не связками, а собою всем:

– Стой, я прошу тебя, остановись, стой, стой... Прошу, хватит! Стой, ублюдок! Сколько ты можешь бегать? Сколько еще осталось до тебя?

Эхо разнеслось по тоннелю. Гул словно расширялся, медленно летал взад и вперед, будто осколки зеркала в невесомости.

Впереди забрезжил свет. Пещера заканчивалась.

Алекс выбежал на плато, что нависало над землей, словно сцена над огромным стадионом. Он понял, что вышел на гору, у подножья которой и на все видимые пределы пространства простирался лес.

Чуть поодаль, на краю выступа, стоял массивный бордовый гроб на белых табуретах с облупленной краской. В нем лежал Андрей Евгеньевич, соратник и друг: черный костюм, красный галстук, белое от тонального крема лицо, синие губы, руки на груди, в пальцах горящая свечка и бумажка с молитвой.

Андрей Евгеньевич заговорил монотонно:

– Вот знаешь, сейчас вспоминаю. Май, листья распускаются, солнце заливает глаза. А папа меня пятилетнего учит кататься на велосипеде. Дорожка у дома узкая, туда и сюда ходят люди, нам то и дело приходится пережидать. Очередной прохожий скрылся за поворотом, и папа командует: «Готов? Раз, два, три – поехал!» Я еду какое-то время сам. Но тут же руль начинает вести в сторону, я чувствую, что сейчас упаду. Но он ловит меня крепкой рукой… такая волна любви и благодарности ему во всем моем теле! Это не передать. Мне и страшно, и хорошо сразу. Боже, что это за ощущения. Где бы их взять сейчас! Какая-то парочка, смеясь, идет мимо нас, мы снова

вынуждены ждать. Лишь только они скрылись, отец говорит: «Давай, почувствуй – лево, право, лево, право… равновесие. Ты – это равновесие. Будь уверен в себе. Лево и право. Раз, два, три…»

Андрей Евгеньевич замолчал. Слезы проложили сквозь крем на лице его две ровные дорожки.

Заговорил более официально, но в то же время по-дружески:

– Я знаю, что должен был помочь тебе. А чего ты сам-то никак не разберешься? Непонятно. Ведь мы можем все. Мы все можем, абсолютно, – Андрей Евгеньевич бессмысленно крутил слова на одном и том же месте. – И ты, и я, и остальные, кто носит внутри тайну. Но вот найти убийцу Нины… Понимаешь, убийц ведь много. Их в каждом городе сотни. Ты сам подумай: убил – и спрятался. Где вот его искать, если он спрятался… Может, у него три квартиры. Или домик в лесу. Или он имеет возможность уехать в другую страну. Как тогда быть? Сам знаешь – перед толпой журналистов высечь розгами Папу Римского, заставить президента пернуть на банкете в честь дня рождения другого президента; чтобы отметить смерть любимой мамочки, сбросить бомбу на какую-нибудь небольшую страну – это все пожалуйста, ты и сам сколько раз подобное делал, так? Помнишь? Загонял вагончики в то самое место… этой… как ее… помощнице сенатора, забыл имя… как она визжала… как визжала… а потом… ее предсмертное рычание и кровавая рвота… помнишь, как мы тогда повеселились? – Андрей Евгеньевич хохотнул, высохший на солнце тональный крем чуть треснул на лбу. – А теперь ты просишь от меня совершенно невозможного. Найти убийцу Нины. Как его найти? Он ее убил – да в подворотне скрылся. Как я его там найду, ты сам-то понимаешь? Он убил – да уехал на Север по поддельному паспорту, ищи его там. Пойми меня. Мы ведь верховные.

Неужели нам заняться больше нечем? Алекс, друг мой, таких Нин – полмира. И все для тебя. Забирай любую.

Андрей Евгеньевич замолчал, закрыл глаза. Смерть вытянула его – он еле помещался в гробу.

Алекс легонько ударил гроб ногой, и он полетел с обрыва вниз. Лишь бумажка с молитвой, выпавшая из пальцев трупа, летала перед его лицом взад и вперед.

Он лег и уставился в небо.

Облако медленно расползалось. Сначала оно приняло форму очков, затем стало похожим на чье-то веселое лицо, а еще через минуту обернулось логотипом группы «Роллинг Стоунз» – высунутый язык и пухлые губы.

Вдруг что-то застучало внизу, под плитой. В центре ее открылся каменный люк, который Алекс ранее не заметил. Снизу постепенно вырастал стеклянный лифт. Двери его распахнулись.

Алекс привстал. В растерянности смотрел на конструкцию. Оттуда раздался пьяный голос:

– Так ты идешь или нет? Убийцу Нины кто ловить будет? Че разлегся?

Алекс ничему уже не удивлялся. Он вошел, двери захлопнулись. Лифт двинулся вниз.

Он поднял голову: облако в небе превратилось в птицу без одного крыла.

Лифт спустился в лес. Алекс думал, что на этом конец, что двери откроются и что-то произойдет...

Кабина не остановилась. Двинулась дальше, под землю.

Стало темно. Потом все светлее.

Лифт опустился через крышу в пылающую комнату. Здесь горело все. В огне были потолок, стены, пол, но ничего не сгорало.

Голос в кабине произнес:

– Слева лежат специальные противоогненные тапочки. Надень их. И можешь выходить.

Алекс надел. В центре комнаты стоял огромный трон. На нем сидел человек в круглых черных очках, с длинными волосами, в кожаном черном плаще. Он жевал жвачку и улыбался, глядя на Алекса.

– Ну, здорово, коль приехал, братишка. Как оно, ничего? Попукиваешь помаленьку? – он расхохотался. – Ты что так смотришь, а? Не узнал?

Что-то смутное шевельнулось в сознании Алекса. Этот человек был ему знаком. Но где и когда он мог его видеть?

Лохматый ударил руками по подлокотникам трона, выругался:

– Твою мать. Вот так перестанут узнавать, что тогда делать? – он плюнул жвачку, которая сгорела в пламени, даже не достигнув пола.

Он приподнял очки, сделал мерзкое выражение лица. Спросил плаксивым голосом:

– А так?

Алекс так и не понял, кто перед ним. Но кивнул и улыбнулся – узнал, мол.

Волосатый оживился, вскочил ногами на сидение трона, стал махать руками, кричал:

– Е-е-е-е! Вот это другое дело, чувак. Твою мать – да, да, да! Ты самый лучший из всех, мать твою. Да, брат, это я. И здесь у меня – центр управления полетами отрубленных голов. Не спрашивай, молчи. Это все секрет. Все проекты засекречены, брат. Всеми и везде головами я тут кидаюсь, твою мать, ты понял, чел? Епт, я теневое правительство. Вы там думаете, что это вы оно, когда харкаете в карту? Не, брат, на самом деле я. Хочешь бухнуть, а то мне нельзя, я завязал, – он вытащил из-за спины огромную бутылку Jameson.

Алекс молчал, глядя на пламя.

– Тоже бросил, да? И ладно, – волосатый швырнул бутылку в огонь, она вспыхнула.

– А теперь давай серьезно, – он нахмурился, подался вперед. – Тебе ведь интересно, почему это главный теневой воротила позволил тебе прийти сюда, верно, чувак? И я тебя понимаю. Я когда-то жил в маленьком нищем Бирмингеме. Меня тоже интересовали всякие вопросы. Например, как научиться воровать, чтобы никогда не попадаться. Но главный вопрос: как перевернуть все так, чтобы оно всегда и везде было перевернуто в нужную мне сторону? Этот чудовищный по силе воздействия вопрос прочно поселился во мне. Как такое возможно? Этот вопрос затмевал даже свет большого взрыва, братишка, так-то. Но теперь все ясно. Мы в России. Здесь нет ни одного ответа ни на один вопрос. Кругом леса, поля и реки. Вот же занесло меня, а? Как здесь у вас говорят? Дареному коню залупу не измеряют? Хе-хе. Фак ми, бразер. Россия ваша – черная дыра, где время поменялось с пространством. У вас даже Христос – и тот русский, не такой, как во всем мире. На все слова и вещи вы накинули свои русские сети, чертовы рыбаки. Черная дыра. Залетел за горизонт событий – и назад уже дороги нет. Одни ямы, ухабы, осколки и тупые морды кругом. А Нина твоя... эх, если б она была жива! Если б она только воскресла! Я бы первым же самолетом отослал ее в Англию. Вот сам бы тут править остался, а ее – в Англию! В настоящую жизнь, в пределы чертогов райских... Нина... Уот кен ай ду, милая. Так тебе интересно, зачем ты здесь? – он снова уселся на трон, закинул ногу на ногу, сложил руки на груди, выжидающе смотрел.

Пересохшие связки Алекса задвигались:

– Я ищу убийцу Нины.

– Верно, – волосатый кокетливо заулыбался. – Послушай, ты прости меня за Россию твою. Нет, не затем тебя я позвал, чтобы в нее сморкаться. Я тут, я это… небольшой мультфильм состряпал, хочешь посмотреть? Без зву-

ка, но зато все сам, своими руками. Все эти чертовы программы осваивал – полгода промучился. Ты посмотри, а потом иди искать кого хочешь, ладно? Нину, Нону, Мону.

Лохматый вытащил из кармана пульт управления, нажал кнопку – огонь на стене расступился, и Алекс увидел огромный плазменный экран. Волосатый нажал «пуск»…

Белый экран. В центре появляется человечек. Мультяшная пародия на бизнесмена – костюмчик, галстучек, зализанные волосики, черные очки. Он всем доволен в жизни, он улыбается.

Тут вокруг него один за другим появляются разнообразные предметы: коляска с плачущим в ней младенцем, красный диван, черный роллс-ройс, церковь с огромным крестом на двери, бутылка виски, роскошная шатенка в мини-юбке, телевизор, компьютер, пачка долларов.

И вот экран уже кишит предметами, а они все появляются, громоздятся друг на друга, постепенно затапливая бизнесмена. Еще секунда – и от него остались только руки. Они хаотично двигаются, пытаются зацепиться хоть за что-то, но ускользает из рук проигрыватель пластинок, распадается пачка сигарет, тонет в общем хаосе картина Люсьена Фрейда «Спящая социальный инспектор».

Все вокруг кишело, менялось местами, липло одно к другому, а предметы все падали и падали сверху. И когда от главного героя-бизнесмена остались одни только пальцы, сверху на ниточке спустился портрет с изображением молодого Альберта Эйнштейна. А с другой стороны появился портрет с карандашным рисунком философа Павла Флоренского.

Из центра портретов появились руки – из каждого по одной. Они походили на руки Микки Мауса. Одна потянулась к левой руке погибающего бизнесмена, вторая – к правой. Герой шевелил пальчиками, пытаясь схватиться за спасительные длани. Но они, как и предметы до этого,

выскальзывали. То ли руки не могли зацепиться за пальцы бизнесмена, то ли он не мог как следует ухватиться за них. Этого было не понять.

Лица Эйнштейна и Флоренского вмиг стали кислыми, из глаз полились огромные синие слезы. И тотчас оба портрета исчезли в общем хаосе, где происходило уж совсем черт знает что: на игрушечном мавзолее Ленина было написано London, на летающем по всему экрану олимпийском мишке – «1984», а мультяшный Киану Ривз хладнокровно молотил ледорубом по голове смеющегося Троцкого, который совсем не собирался умирать.

И вот от бизнесмена остался лишь один указательный палец правой руки. В этот момент из правого угла экрана выплыла фигура, летящая сквозь возню предметов – невозмутимо, с блаженной улыбкой. Старичок с бородкой сильно напоминал старика Хоттабыча, только был без чалмы. Он с улыбкой смотрел на дергающийся в конвульсиях палец бизнесмена, но, казалось, совсем не спешил помогать. Старик еще какое-то время улыбался, паря над кашей из предметов. А потом зевнул, открыв огромный рот во весь экран. Покачал головой и взял бизнесмена за палец, медленно выудив его из хаоса.

С героя капал пот, пиджак его порвался, глаза покрылись красными прожилками, один ботинок отсутствовал. Из глаз старичка вылетели две пунктирные линии и врезались в хаос. В тот же момент нагромождение сместилось в левую часть экрана, а правая часть осталась просто белым полем. Ровно посередине два поля разделяла четкая красная линия. Старичок опустился на белое поле сам, посадив бизнесмена рядом. Он указал пальцем на бардак, который бушевал в левом углу экрана. Закрыл глаза – и весь хаос, как и разделительная линия, исчез. На экране осталось только белое поле.

Бизнесмен затравленно взглянул на старичка, тот улыбнулся и отрицательно покачал головой. Закрыл глаза снова – и предметы, и черта появились опять. Старик вытянул руку – и она стала растягиваться, переползая постепенно в хаос, за черту. Он погрузил руку в варево, пошарил там, достал новые костюм и брюки для бизнесмена, а также потерянный ботинок. Рука вернулась в белое поле, одежда упала рядом.

Бизнесмен поблагодарил старичка улыбкой и оделся. Старичок качнул головой – мол, попробуй ты. Бизнесмен закрыл глаза, вытянул руку, она переползла в поле хаоса – и вытянула оттуда огромный Храм Христа Спасителя. Пот снова полился с бизнесмена, а старик хохотал. Он покачал головой – нет, мол. Бизнесмен вытянул руку в поле хаоса – и бросил храм. Пошарил еще – и вытащил два доллара. Старик улыбнулся. Бизнесмен положил деньги в карман. Затем он выудил атомную электростанцию. И сразу бросил ее назад. Запустил руку еще – и вытащил десять женщин, висящих друг на друге, словно живые виноградины на ветке. Он посмотрел на старика, старик улыбнулся. Бизнесмен потряс веточку, на ней осталась одна женщина.

Он переместил ее на белое поле, посадив рядом с собой. Старик улыбался. Он стал полупрозрачным. И кивнул еще раз, указав бизнесмену на хаотичное поле. Тот снова протянул длинную руку, пошарил ею и вытащил из хаоса морскую волну. Перетащил ее на белое поле и положил у своих ног. Волна пришла в движение и медленно лизала ноги женщине и бизнесмену.

Они разулись. Старик стал совсем прозрачным, почти невидимым. Он поднялся на своих смешных ножках. Попросил встать и бизнесмена. Кивком указал на хаос за чертой. Бизнесмен закрыл глаза. И долго держал их закрытыми, пока хаос не исчез вместе с чертой. А вместе с ними и старичок. На экране остались только белое

поле, герой, его женщина и морская волна. Бизнесмен улыбался, его лицо стало выражать блаженство, как лицо старичка. Он закрыл глаза – хаос за чертой появился. Он открыл и снова закрыл их – и все исчезло.

Бизнесмен разделся, нырнул в волну. Его примеру последовала и женщина. Он закрыл глаза – хаос появился. Бизнесмен выудил из него песчаный пляж, бутылку вина и два бокала. И все постепенно исчезло, осталось только белое поле, а потом – телевизионные помехи.

Волосатый нажал кнопку – стена снова запылала огнем. Он развел руки в стороны и расхохотался. Порылся в кармане, достав оттуда два окровавленных пальца. Швырнул их в стену, словно два дротика. В ней сию минуту проступила дверь. Огонь отступил по контуру двери – и она распахнулась.

Алекс сам не понял, как вышел из огненной комнаты.

Дверь пропала за его спиной. Теперь он стоял на пустыре.

Какая странная глава! Можно я ее прокомментирую, а? Я даже понял, кто тот лохматый тип из Бирмингема. Читатель должен это знать! *Иди, иди. Поспи где-нибудь в закоулках моей памяти пока. Читатель сам все понимает. А мне больше понравилась развернутая метафора с мультяшным бизнесменом.*

Сколько умных толкований у нее может быть – не счесть! Но нам сейчас уже не до этого. Ибо мы отправляемся по святым местам. Котомки за плечи, вот Бог, вот порог.

Монастырь святого Крысиана

Огромные валуны лежали тут и там на серой земле. Прямо перед собой Алекс увидел массивную стену руч-

ной кладки. За ней – множество куполов и крестов. Он понял – это монастырь.

Прямо под стеной Алекс заметил монаха. Тот смотрел вверх – и уворачивался в разные стороны. С неба на него летели какие-то мелкие предметы. Он подошел поближе – на богомольца падали болты, запечатанные пакеты, какие-то вентили и другие обломки.

– Что это ты делаешь? – спросил Алекс.

Монах ответил, не отводя глаз от неба:

– Уворачиваюсь от космического мусора. Наказание мне за интерес к сингулярности и темной материи. Епитимья на год.

Алекс усмехнулся и направился ко входу в монастырь.

Ворота ему открыли две молодые монахини. На колокольне он увидел звонаря – мужчину. «Женщины и мужчины вместе», – подумал с диким удивлением.

В центре монастырской площади возвышался памятник. Это был человек с головой крысы. Его мускулистое тело вселяло ужас, а крысиная голова с открытой пастью – надежду и умиротворение.

Словно из воздуха перед Алексом появился другой монах и указал рукой:

– Тебе туда. Там убийца Нины.

Алекс пошел в указанном направлении и вскоре достиг маленькой хижины-кельи. Дверь ему отворил сгорбленный старец. Он был весь заросший седыми волосами и бородой, совсем как дед Жавю, только много старше.

Он уставился на Алекса. Буквально прошил его внимательным синим взором.

Старец проскрипел:

– Молитвами святого Крысиана приветствую тебя, кланяюсь тебе в любви и надежде.

Старец согнулся, коснувшись земли обеими руками, и застыл в таком положении, словно восточный йог.

Алекс не знал, что делают в таких случаях.

Он кротко молвил:

– И тебе привет.

Вошли в келью. Земляной пол, у стены спрессованная солома, вероятно, служившая старцу кроватью, на стене две мутные от старости иконы – на одной изображен был человек, несущий младенца-Христа через радугу, на второй – тот самый крысоголовый, памятник которому возвышался в центре монастыря.

Голос старца вдруг сделался детским, испуганным:

– Присаживайся, отче. Я давно тебя жду, – и снова склонил голову перед Алексом, словно для благословения.

Алекса что-то отвлекло. Там, в темном углу, в сене, что-то было. И оно шевельнулось. Старец увидел замешательство Алекса, хитро улыбнулся, сказал:

– Не бойся, отче, это мой сон. Обычно я ловлю их сразу, как приходит утро, но сегодня все утро я провел в молитве, ожидая тебя, и совсем про подонка забыл. Сейчас я это исправлю.

Старец наспех перекрестился и запел монотонно:

– Сон, сон, выходи да вставай на две ноги.

В сене снова что-то шевельнулось, зашуршало.

Старец усилил голос:

– Сон, сон, выходи да вставай на две ноги!

Под сеном завозилось, противно заскрипело, послышался стон. Старец перекрестился еще, закрыл глаза и закричал визгливо, в исступлении:

– Молитвами святого Крысиана, сон, сон, выходи да вставай на две ноги!

Вдруг сено полетело вверх, словно внутри него взорвалась небольшая бомба. Из него что-то вылетело, ударилось о потолок, и тут же к ногам Алекса упал окровавленный младенец. Он подслеповато смотрел по сторонам и тихо постанывал.

Дитя стояло на двух руках, а вместо ног от спины его тянулся длинный хвост наподобие русалочьего. Хвост постепенно стал разрываться на две части. Кровавое пятно под младенцем ширилось, он завопил пронзительно и страшно. Плоть противно трещала, хвост извивался. Дитя вскрикнуло последний раз – и притихло. Уродец возился в кровавой луже, тихо постанывая. Попытался подняться, но упал. Со второй попытки встал на отросшие только что ноги – и заулыбался.

Старец запричитал:

– Вот так, дорогой мой, вот так, маленький. Улыбайся, теперь можно, хороший мой.

Он осторожно взял младенца на руки, стал его укачивать:

– К нам в гости зашел, с двумя ножками ушел, к нам в гости зашел, с двумя ножками ушел…

И чем тише становился голос старца, тем более прозрачным становилось тельце младенца, пока совсем не исчезло. Старец вдруг упал перед Алексом на колени, воскликнув:

– Отче, благослови. Не знаю, что делать без силы твоей и слова твоего.

Алекс опешил, машинально положив руку на голову старца.

Тот молил, заливаясь слезами:

– Один ты все ведаешь, один ты видишь сквозь пространство и время. Во тьме пребываем, отче, и нет нам спасенья, – еще громче запричитал старец, тело его сотрясалось в рыданиях.

Алекс не знал, что делать. Он просто гладил седую голову.

Старец вдруг затих. С минуту лежал молча. Затем поднял лицо с колен Алекса, уставился на него красными от слез глазами. Покрепче обнял Алекса за ноги, положил

голову ему на колени, но не уткнувшись в них, а набок. И испуганно, но твердо заговорил:

– Сегодня во сне мне явился ад, отче. И в нем я видел себя. Внешность моя была совсем другой, как это часто бывает во снах, но то был я. Представь себе бескрайнее серое небо. Однотонное, куда ни глянь. И такая же серая земля, сплошь безжизненный пейзаж – валуны да песок.

Посреди этого унылого мира стоит покосившаяся лачуга. Она вот-вот упадет, но адовым чудом еще держится. Окна выбиты, дверь валяется рядом, внутри лишь мертвый ветер и… я – в непрестанной молитве.

Там нет дня и ночи. Там всегда один и тот же момент в вечном повторении. Поэтому не кончается серость. Не кончается ветер. Не кончается моя молитва. Там, в лачуге, в серой мгле бесконечности, я молю Бога помочь мне. Мне хочется пить. Иногда я выхожу на поиски воды, но нахожу лишь песок, ветер и камни, как бы далеко ни ушел от своей лачуги.

Иногда там наступает некое подобие земного времени. В эти моменты вдалеке появляется человек – худощавый, невысокий ростом, один глаз его поврежден. Он спускается со скалы и направляется ко мне, вытянув руки, словно хочет обнять. Я точно знаю, он желает помочь мне. Настоящий Бог присылает его, а не тот, которому молюсь я, сглатывая песок пересохшим горлом. Но страх охватывает все мое тело, и я просто бегу, не разбирая дороги. Он идет ко мне, прибавляя шаг. Потом бежит за мной, что-то кричит, просит остановиться. Но я превращаюсь в ужас, я бегу, спотыкаясь о валуны, я падаю, оставляя кровавые сгустки на камнях и песке.

На фоне всеобщей серости кровь выглядит особенно яркой, словно не настоящей. И так повторяется несметное количество раз. Я бегу все быстрее, он остается где-то позади, падает на камни и плачет. Я тоже падаю, про-

валиваюсь в черноту и снова обнаруживаю себя в лачуге молящимся.

Старец снова заплакал, отпустил Алекса, улегся на пол лицом вверх. Продолжил сквозь всхлипы:

– Сегодня я изловил его, ты сам видел. Но так может быть не всегда – и ад вырвется наружу через мои ночные видения. Между сном и видением совсем тонкое различие. Эта разница и есть то, что может погубить всех нас. Через эту еле видимую щель ад приходит в реальность, отче. И вон, – он небрежно указал рукой на солому, – привыкает к нашему миру в соломе. И если дать ему осмотреться – то конец, отче, всему конец.

Он отвернулся от Алекса, поджал ноги, обутые в рваные лапти, обнял себя за колени, заговорил надломленно, уже без всхлипов:

– Сегодня на мои пустые мольбы был с неба ответ. Что это было? Я не знаю. Грубый мужской голос кричал со всех сторон сразу: «Я сказал, подпишешь, сука. Все подпишешь. Или подохнешь». Эти слова разносились эхом по всему аду, от неба до земли, слева направо. Отче, ты самый мудрый из всех, кого я знаю. Скажи, что это было? – старец снова захныкал как ребенок.

Алекс оцепенел. Дверь кельи вдруг распахнулась. Внутрь заглянул человек атлетического сложения. Вместо лица у него была морда крысы. Несколько секунд он просто смотрел на Алекса.

Еле заметно кивнул – и закрыл дверь.

– Это был убийца Нины, – прошептал Алекс и выбежал из кельи.

Его подхватил порыв ветра, что-то вспыхнуло в небе.

Старец закричал что было сил вдогонку, но Алекс уже не мог его слышать:

– Нет, нет, отче! Это была сама... сама Нина! Сама Нина!

Последнее воспоминание Нины

«Мы шли по темной улице. Поскрипывал зимний вечер. Мать держала меня за руку. Варежка была сырой, ладонь моя замерзла, но я терпела. Я уже не помню, откуда мы возвращались. Кажется, с какого-то детского представления. Всю дорогу мать рассказывала мне о ягодах. Зима, скрип снега под ногами, а она вдруг говорит о ягодах. Это создавало внутри меня совершенно особое, сказочное настроение. Такое… жгучее ощущение детства.

Мы шли медленно. Мне было так хорошо, что не хотелось домой. Хотелось идти и идти с ней вот так в глубину зимней ночи. И никогда никуда не приходить.

С ягод мать перекинулась на рассказы о том, как ей было жаль птиц, убитых ради того, чтобы сделать из них чучела. Я так и не поняла, о каких чучелах речь и где она их видела. Возможно, это было воспоминание из детства.

Нам навстречу попадались прохожие. С некоторыми мать какое-то время разговаривала. Я не понимала, о чем. Меня удивляло, что они еще долго оборачивались на нас, когда мы отправлялись дальше. Они точно знали мать, но что-то в ее словах их то ли удивляло, то ли пугало.

Мы тогда жили в небольшом доме, который оставил мой отец после смерти. Подошли к нему и еще долго стояли на улице. Она мне рассказывала что-то, но я уже ничего не понимала. Какие-то машины, какой-то Лешка, какие-то вершины гор...

Я понимала – мать взрослый человек, она знает много такого, чего не знаю я. И нисколько не удивлялась, просто слушала ее. Потом она резко оборвала свой рассказ и спросила, хочу ли я есть. Я ответила, что да, очень, очень, мамочка. В этот момент, прямо в тот миг, когда я

это отвечала, волна раздирающей мозг любви к ней подняла меня вверх и понесла.

Мать мечтательно смотрела на свет фонаря. Какой же красивой она была в этом застывшем положении! Мне хотелось сейчас же вырасти, быть такой же, как она. Злость от невозможности воплотить это сейчас же разъедала меня.

А мать вдруг оживилась. Засмеялась. Подмигнула мне. Подняла меня на руки, стала кружить. Мы смеялись вместе. Я не понимала, в чем дело, откуда взялось это веселье. Да и неважно это было, я просто наслаждалась своим счастьем быть с ней, и что она меня кружит, и что она смеется, что она счастлива. Это был единый поток, состоящий из разрозненных частичек любви.

Мать вытащила из кармана целлофановый пакетик, сняла перчатку и голой рукой вдруг начала брать снег и складывать его в пакет. Я спросила: зачем ты это делаешь, мама. Она сказала: для того чтобы тебя накормить. Это прозвучало так странно. Как это – накормить? Снегом, что ли? Она сказала: да, доченька. Сегодня наш ужин будет особенно вкусным. Я приготовлю тебе жареный снег.

От этого сочетания у меня заплясало и запело в голове. Я упала в сугроб и стала хохотать – жареный снег, жареный снег.

Но мать оставалась серьезной. Она набрала полный пакет снега, и мы вошли в дом. Разделись, прошли в кухню. Она снова что-то мне рассказывала, а сама высыпала снег из пакета на сковороду. Все было как обычно, словно она собиралась просто пожарить яичницу.

Высыпав весь снег, она накрыла сковороду крышкой и зажгла газ. Снег начал таять и потрескивать. Мать периодически приоткрывала крышку и помешивала его, уже почти ставший водой. Потом она посолила снег, поперчила, добавила каких-то специй. Сделала огонь чуть сильнее – затрещало громче.

Через пару минут мать поставила сковороду на стол, открыла крышку. Внутри была горячая вода, в которой плавали специи. Мать поймала мою мысль. И сказала, что это никакая не вода, что я плохая девочка, раз так думаю. Это жареный снег. Это наша еда. Она дала мне ложку, взяла ложку себе.

А потом мы ели. Жареный снег оказался самой вкусной едой, которую я когда-либо пробовала. Она положила ложку, взяла кусок хлеба, обмакивала его и ела. Я тоже так сделала.

Потом она уложила меня в постель и долго пела странные колыбельные. Я не понимала ни слова, но мне было так хорошо и спокойно! Ощущение счастья словно бы завернуло меня в темное одеяло сна.

Утром я нигде не нашла ее. Ее не было в доме. Я выглянула в окно и увидела мать, лежащую в сугробе, она была абсолютно голой. Соседи подняли ее и занесли в дом. Она махала руками, что-то кричала. Она была темно-синей, совсем не родной. Это меня нисколько не пугало.

Вскоре приехала машина скорой помощи, и мать увезли. Мне сказали, что ее положили в больницу, и теперь я какое-то время буду жить с тетей.

Она вернулась через два месяца, уже была весна. Я попросила ее приготовить мне жареный снег еще раз. Мать рассмеялась. Сказала, что ты, родная, какой еще снег – посмотри, уже листья на деревьях распустились.

Я расстроилась. И постепенно забыла о жареном снеге. А сейчас вот вспомнила в красках, деталях и подробностях. Наверное, я тебе его приготовлю. Хочешь попробовать, Алекс?..»

Найти убийцу Нины! *Уйди отсюда, дай сказать! Найти убийцу Нины!*

Найти убийцу Нины

Алекс долго бежал, спотыкаясь, не разбирая дороги. Остановился на краю оврага, снял пиджак и швырнул его вниз, где еще не просохла трава после ливня. Пот и солнечный свет превратили все, что он видел, в тягучее сырое золото. Он яростно вытер лицо галстуком.

Впереди виднелся березовый перелесок. За ним – горизонт. Что там дальше, за небом, лежащим на дальнем лесе?

Облака, это белое вещество жизни, заставляли его ликовать.

Алекс вдруг представил, что, когда дойдет туда, где небо соединяется с землей, пространство вдруг станет розовым, и он полетит в эти краски. Он весь испачкается в них, но будет лететь. Все выше и выше.

И тогда розовый закат польется с него на землю. Густые капли повиснут на ветвях тополей и кленов. И вскоре все покроется тягучей розовой массой. Он погасил в себе это сладостное ощущение. Отломил веточку от деревца терна. Жевал ее и смотрел на облака, что меняли форму под воздействием ветра.

Алекс спустился в овраг, наступив на свой пиджак, утопив его в стоячей воде. Приятный холодок проник в ботинки. Он улыбнулся. Выбрался из оврага и пошел через поле, туда, где, молчаливые и скромные, ветвями манили его березы.

Он задыхался, но бежал. Ботинки превратились в комья земли, ноги были по колено в грязи. Легкий ветерок игрался с ним ласково, шутливо. То даст подзатыльник, то закроет глаза, то легонько толкнет в лоб. Алекс так любил его, что хотел откусить хоть немного. Ему хотелось проглотить кусочек ветра, наполниться им изнутри.

До березняка оставалось не более десяти метров. Алекс решил полностью раздеться. Он чувствовал – одежда мешает ему понять что-то важное.

Испачкав руки в мокрой грязи, снял и бросил по разным сторонам ботинки. Он кинулся в пашню сам, расстегнул ремень, снял штаны, рванул их прочь. Галстук, словно воздушный змей, полетал, исполнив прощальный танец, и упал где-то далеко.

И он пошел дальше. Бугристые мышцы блестели на солнце, с волос летели крупные капли пота. Поле постепенно поросло травой, березы склонились перед ним. От радости он взмыл вверх, на дерево, быстро перебирая руками толстые суки, взобрался на самую вершину. И смотрел на кору как завороженный, приблизив лицо к стволу.

Что это за выпуклости? Остатки ударов молнии? Грибы, что растут на деревьях? Наросты? Странные очертания. Похожие на что-то… Что-то знакомое… Губы. Это губы. Красивые, сочные. Алекс закрыл глаза, осторожно поцеловал. Но дерево не ответило. Он обнял ствол, сжимал его, впивался ногтями.

Поцеловал более настойчиво. И береза поддалась. Она раскрыла свои мощные пухлые губы, отвечая ему с такой страстью, что эрекция превратила в ствол дерева его самого.

Ветви нежно обняли его плечи, упругий стан ствола чуть раздвоился, подался вперед. Алекс поднял голову вверх, чтобы взглянуть на небо, но листья ласково закрыли ему глаза. Поцелуи дерева становились все напористее, смелее.

Острая саднящая боль заслонила собой все. Губы Алекса уже сочились кровью, свисали с них кусочки кожи. Вместо члена упирался в дерево окровавленный отросток. Спина была изодрана ветвями. По гладкому

белому стволу березы стекала его кровь, пролагая себе путь через скопления испуганных муравьев и солдатиков.

– Так вот чем ты занимаешься вместо того, чтобы искать убийцу Нины? Смотри, в следующий раз он убьет и тебя самого, – дед Жавю сидел внизу на травке и уплетал землянику, поглядывая на Алекса. – Забери этих двоих, – дед указал в сторону, где у большого муравейника притаились две тени – те самые, что пережидали время в матери Нины, – не понравилось им в Нинкиной мамке. Умоляли меня с тобой договориться, решить вопрос. Но об этом потом. Послушай-ка историю, что я припас для тебя напоследок.

…В конце восьмидесятых знал я одного человека. Ни имя его, ни фамилия ни о чем тебе не скажут. Жил он себе спокойно до тридцати лет, работал на фабрике игрушек, был холостяком. Но на тридцать первом году что-то произошло с ним: ударила парню в голову дурацкая мысль – захотел он научиться играть на бас-гитаре. Его семья не была музыкальной, отец всю жизнь работал строителем, мать – продавцом рыбы. Но что-то в нем заиграло такое внутри, и он твердо решил – нужно освоить бас-гитару во что бы то ни стало. С большим трудом он достал где-то инструмент. Я однажды видел эту гитару – старенькая, потертая, подделка под ту, на которой играл Пол МакКартни.

Все, кроме работы, он забросил. Да и бросать было особенно нечего: семьи у него никогда не было, родители умерли. Он просто перестал ходить в пивную и зачитываться фантастикой, посвятив все свободное время обучению. Уж как он учился – я сказать не могу. Никаких самоучителей тогда не было. Но через год он играл в группе при одном захолустном ДК. Я приходил пару раз на их концерты. Песни они играли не свои, но вполне сносно. Я часто встречал того парня на улице – он выглядел намно-

го счастливее, чем раньше. И было с чего, черт возьми! Его мечта исполнилась. Он научился играть на бас-гитаре. Он играет в группе!

Так продолжалось несколько лет. Я встречал его то в магазине, то на улице. И везде он таскал за собой бас-гитару.

А я тогда имел грешок – полюбливал пивко. Помню, осенним дождливым вечером сижу в нашей пивной. Народу почти никого, а мне домой не хочется. Сижу, потихоньку пиво потягиваю. И вдруг входит он. Без своей гитары. И лицо его такое же грустное, как тогда, во времена, когда ни гитары, ни умения играть на ней у него не было.

Он взял два бокала «Бархатного», как сейчас помню. Подсел ко мне, поздоровался. Рассказал, что у их группы вскоре будут небольшие гастроли по ближайшим городам, – грустно так, безрадостно сказал… А потом вдруг занервничал и перешел на шепот. Подсел ко мне поближе и зашептал, глаза заблестели, словно внутри его головы поднимался рассвет.

Он рассказал мне, что понял время, постиг его. Это случилось, когда он менял струны на своей бас-гитаре. Он вдруг отчетливо увидел такую картину: в черной пустоте медленно крутится гигантская воронка. Все существа и вещи, вся реальность, которой мы ее знаем, находятся внутри воронки. В центре ее – пустая чернота. Вся жизнь вмонтирована в ячейки, которые находятся на стенках воронки. Она медленно крутится. И вот уже кто-то из ячейки, где был молодым черноволосым парнем, переместился в ячейку, где стал пузатым и лысеющим мужиком.

Миллиарды ячеек. Туда запечатаны все люди, все ситуации, предметы – все на свете, что мы знаем, даже свет и тьма. В самом низу воронки – мгла и мрак. Опустился туда – твое время закончилось, ты умираешь.

Он пил уже четвертую кружку пива, но совсем не пьянел. И все говорил, говорил… Рассказывал, что из этих ячеек не видно воронки. Она столь огромна, что выходит за пределы физического мира, и мы просто не можем воспринять ее как нечто, имеющее формы. Нам кажется, что время – это нечто без очертаний, нечто, что живет в часах. Но нет. Время – это разновидность пространства. Воронка и ее движение – это и есть пространство. А то, что нам кажется пространством, – это просто наполнение наших ячеек, чтобы нам скучно не было.

Настоящее пространство – это время. Оно потихоньку закручивает нас вниз. Воронка крутится, потому что нечто притягивает ее. Оно находится там, внизу, за пеленою мглы. Никто не знает, что за магнит тянет всех нас к смерти и разрушению. Но это вполне физическое притяжение. От него мы стареем, сидя в своих ячейках, от него все превращается в прах. Мы не чувствуем вращения земли, а уж движения воронки времени и подавно постичь не в силах. Таракан не может взглянуть вверх и увидеть небо над собой. Хотя нам это кажется простым. Зачем мне это открылось, спрашивал он сам у себя, у меня, у пива в бокале.

Он все это видел, когда менял струны. Не молился, не пребывал в экстазе, не употреблял шаманское зелье. Он просто ставил на свою гитару новые струны. Представляешь?

Потом он извинился, допил пиво и ушел в ночь и дождь. Ушел и я. Я бродил по улицам еще долго в ту ночь. И размышлял. Я был убежден, что ему открылась тайна времени. А через него – и мне. Но что теперь с этим делать? Я не знал. И сейчас не знаю. Скажу только одно: тот, кто прикасается к тайне времени, уже не может быть прежним. Познав это, любой обречен ощущать ее – воронку времени, неумолимое вращение и притяжение. Смерть

порождает гравитацию там, за невидимой пеленой, на дне воронки. И мы, кочующие по ячейкам, опускаемся все ниже и ниже. И не дано нам постичь, где заканчивается одна ячейка и начинается другая.

Алекс поднял руку, намереваясь что-то сказать. Боль внизу живота обжигала его. Но дед Жавю дал понять, что вопросы сейчас не нужны, что он еще не закончил.

– Самое интересное с тем бас-гитаристом случилось потом. И забудь сейчас о своей боли, крови, жизни, осел!

…После нашего разговора он пришел к выводу, что зажимать струны – бессмысленно. Каждое лишнее действие – это кормление ячейки. Чем больше действий, тем достовернее твое пребывание в тюрьме времени, тем оно реальнее. Никто не делает реальность реальной, кроме тебя самого. И вот он перестал зажимать струны на грифе. Из группы его, конечно, выгнали – такая игра никому не пришлась по душе. Но он играл дома. Одной лишь правой рукой по всем четырем струнам по очереди. Но и это создавало слишком много ложной реальности, словно под струю воды плеснули слишком много шампуня, и в ванной выросла огромная, но бесполезная гора пены.

Тогда он понял, что не стоит играть на четырех струнах, это слишком много. Он стал играть на трех, потом на двух, потом лишь на одной струне.

Однажды он вышел на улицу со своей бас-гитарой. Сел на ступеньку рядом с пивной, закрыл глаза и стал играть на одной струне. Я думаю, звук нужен был ему только для того, чтобы не заснуть – он ведь не был опытным мистиком, и закрытые глаза его неподготовленным сознанием могли быть истолкованы лишь как желание поспать.

Он просидел так три дня. Потом сходил на работу, написал заявление об уходе, зашел к себе домой, немного поел. И снова уселся у пивной. Постепенно все лучшие бас-гитаристы города подсели к нему. Своим звуком, из-

даваемым на одной струне, он притягивал их к себе. Затем не только бас-гитаристы, но и другие горожане сели рядом с ним. Он и другие музыканты играли один и тот же звук, а другие, в том числе и я, издавали его ртом, то есть пели его.

С каждым днем народу становилось все больше, площадь перед пивной уже не вмещала всех. И когда милиция пришла нас разгонять, он спокойно встал, повесил бас-гитару на плечо – и ушел. Больше его никогда и никто не видел.

Дед Жавю как обычно уставился ироничным своим глазом, торчащим из-под волос. Алекс понимал, что он задал ему вопрос – молчаливый вопрос.

– Конечно, – радостно сказал Алекс. – Я понял. Струна… Притянула людей… – Он хотел сказать, что смерть – это струна. – Воронка времени крутится, смерть – это струна, что создает колебания… Там, внизу, во тьме, звучит струна, один-единственный звук… – Алекс растерянно теребил волосы, кусал и без того окровавленные губы.

– Но кто? Кто играет на этой струне? – спросил.

– А вот этого он сказать не хотел. Да и не мог, – дед Жавю смотрел на Алекса как на слабоумного. – Потому что каждый сам должен ответить себе на этот вопрос. И любой ответ будет правильным.

Алекс уже не слушал. Он отцепил руки и упал в траву. Дед вовремя отпрыгнул в сторону – и исчез в овраге, назидательно прокричав оттуда:

– Не забудь, чему я тебя учил. Завтра Пасха, великий праздник! Как праздновать, помнишь? Выключаешь свет в ванной, ложишься в теплую воду, затыкаешь уши, завязываешь глаза и лежишь весь день. И запомни: атеисты правы. Никакого Бога нет, если ты его не родил и не растишь как ребенка. Никакого Бога нет, если ты принимал противозачаточные таблетки.

Алекс лежал в траве, смотрел на мошек, что резвились в закате. Две тени грустно всхлипывали, сидя под кустом.

Встал, превозмогая боль. Пошел вперед, через лес, на запах убийцы Нины.

Деревья расступились, и он увидел колючую проволоку. Неизвестно, где она начиналась, где был ее конец. Она уходила вдаль в обе стороны. За ней простиралась пустыня, кое-где росли трава и небольшие кактусы.

Откуда-то справа прилетел бодрый голосок:

– Я приветствую своего давнего друга и клиента! – Алекс сразу узнал официанта из ресторана – его избивал в прошлый раз охранник. – Выездной ресторанчик от «Яркого Я» – то, что тебе нужно! Только сейчас и только здесь, на краю, куриные бицепсы со скидкой 100%! Свиные повадки со скидкой 103%! Бараний характер – абсолютно бесплатно! И сегодняшний хит дня – три волоска с головы Нины по цене одного! Заходи, распахивай желудок и мысли, становись ярче вместе с «Ярким Я»!

Лишь услышав про волосы с головы Нины, Алекс подбежал к парню и не раздумывая ударил его в лицо. Тот упал и больше уже не шевелился. Алекс бросился к нему, тряс за грудки, спрашивал что-то о Нине, но парень был уже мертв.

Впереди за колючей проволокой что-то замаячило. Точка, созданная из скопления пыли и ветра. Она стремительно приближалась и росла в размерах. Еще секунда – и вихрь достиг колючей проволоки.

Пыль постепенно спала, и Алекс увидел синего зайца с огромными передними зубами, большими овальными глазами и красными ушами. Это точно был персонаж какого-то американского мультфильма, только вот какого?

Заяц крутанулся на одной ноге, захохотал, туловище его заплелось в косу, раскрутился, встал в прежнее положение, вытянул руку, сказав веселым мультяшным голосом:

– Прррривет, прррривет! Я синий заяц Рикки Липс, ты меня узнал?

Алекс молчал. С его губ и мошонки капала кровь. И боль была нестерпимой.

– Ты, мой друг, приблизился к границе штата! Поберегись, кругом автоматы! – Рикки Липс притворно нахмурился.

Заяц не унимался, снова захохотал, подпрыгнул, упал, подставил лапу под довольную морду, сказал:

– Ты какой-то кровавый. Интересно, чего это русские все время в крови? Ума не приложу.

Все, что сквозь боль смог произнести Алекс, это:

– Я ищу его…

Заяц снова захохотал, подпрыгнул, растянулся в прыжке на шпагат, приземлился в том же положении. Вдруг его мультяшная морда сделалась грустной, из глаза выпала неестественно большая слеза.

Он сказал плаксивым голосом:

– Я ищу моих друзей. Ты их не видел? Лисичка Дафни, волчонок Макс и олененок Кэрри. Может, они пробрались туда, к вам, и сразу были убиты Кей-Джи-Би? Эй, там, за березами – выходите! Вы приблизились к границе штата и еще прячетесь? Кровавые русские солдаты, вы там?!

Новая слеза, еще больше первой, выкатилась у него из глаза, упала в песок. Но тут же превратилась в сладкую вату на палочке.

Заяц снова повеселел, воскликнув:

– Хотя какая разница? Ведь у меня теперь есть ты! Ведь ты станешь моим другом. Правда?

– Я ищу убийцу Нины…

Заяц запрыгал:

– Нина? Кто такая Нина? Была у меня, когда я еще жил в Альбукерке, подружка. Ее звали Нинси. Больше всего на свете она любила пудинги. Все время одни только пудинги. Она не думала ни о чем, кроме пудингов. Мы крепко

дружили. Однажды даже пили вместе виски, втайне ото всех. Она вприкуску с пудингом, а я просто так. Но потом она связалась с одним бомжеватым кроликом. И ушла с ним куда-то на юг. Может, в Мексику? Кто знает.

Алекс смотрел на колючую проволоку. Она неестественно блестела, словно облитая маслом.

Заяц захохотал, махнул лапой, крикнул:

– Идем, мой новый друг, пойдем же!

Проволоки, разделяющей их, для него словно не было.

Но тут заяц понял замешательство нового друга, воскликнув:

– Ах, это? Так она же из карамели! – Он взялся лапой за проволоку и отломил сразу несколько звеньев, стал облизывать их большущим языком. Затем разбежался, подпрыгнул, ударив два раза ногой. Каркас вместе с проволокой осыпался, образовав большой проем.

Алекс, пошатываясь, истекая кровью, прошел сквозь него. Когда перешагивал границу, с изумлением смотрел вниз: так резко, ровно по линии, заканчивалась российская трава и начиналась американская пустыня.

Они пошли, взявшись за руки. Закат слепил им глаза, заполняя мысли Алекса тяжелым равнодушием.

Они успели пройти лишь пару километров, как вдруг небо затянули черно-синие тучи. Земля под ногами завибрировала.

– Ну вот, – обиделся синий заяц, уши его от грусти повисли. Он достал из-за спины огромный пистолет и выстрелил себе в лоб.

Вокруг стало совсем темно, поднялся ураганный ветер, осыпая Алекса песком. Земля задрожала еще сильнее, Алекс упал на колени, закрыв лицо ладонями. Он знал, что пустыня впереди осыпается. Обвал стремительно приближался к нему, все вокруг гудело, свистело, крутились в небе огромные воронки.

Мир рушился в бездну. Небо стало ярко-красным, пылающим. Обвал приближался с огромной скоростью. Алексу оставались считаные минуты. Шум проваливающейся земли стал нестерпимым.

...И вдруг оказался за спиной.

Алекс открыл глаза. Вокруг ничего не было. И только он один сидел на маленьком клочке земли. Под ним – черная пустота. Над ним – пылающее языками пламени небо. Больше ничего и никого.

– Ну что, нашел? – шепнул кто-то за спиной Алекса.

Он этого не слышал – завывания ветра были слишком громкими.

Мало-помалу в бесконечном пространстве стало светлеть. Тучи разошлись, пламя растворилось в небесной синеве. Алекс стал различать впереди что-то огромное. Очертания этого делались все четче, проглядываясь все лучше.

Прошла минута, и Алекс увидел гигантское колесо. Оно было столь огромным, что верхняя и нижняя точки его терялись – одна в небесах, другая глубоко в бездне.

Колесо это было словно от старинной кареты, но увеличенное в десятки миллиардов раз. Резные фигурки, вензеля, замысловатые узоры и орнаменты украшали его поверхность. Только цвет был непонятен, оно как бы не имело его.

Колесо медленно крутилось в переливающемся всеми красками пространстве. Но больше всего Алекса поразили миллионы ярких серебристых звезд, которые покрывали обод колеса с внешней стороны, словно размельченные до пылинок драгоценные камни. Свет от каждого кристаллика был столь интенсивным, что ломило глаза.

Изумлению Алекса не было предела – так прекрасны были эти серебристые звезды и свечение, исходившее от них; не просто лучи, а словно бы световые выстрелы, за-

ряженные такой глубиной и смыслом, что разум Алекса, не выдержав, стал понемногу угасать.

Сзади еще раз шепнули:

– Так нашел или нет? Оглох, эй?

Но Алекс снова не услышал – он в это время кашлянул.

На этом сознание его замкнулось, и сомкнулись глаза. Лишь громкое эхо повторяло где-то в глубине того, что осталось от него: «Нашел? Нашел? Нашел?», – будто это слово вместе со знаком вопроса запуталось само в себе и ковыряется, ползает; буквы, из которых оно состоит, кусают друг друга, каждая первой хочет пробиться к выходу.

Еще секунда – и островок обрушился.

На медленно-вечном колесе вспыхнула и засияла новая звезда.

Outro

Алекс сидит и ждет. Обычно в два часа ночи ресторан «Яркий Я» уже закрыт. Сейчас полтретьего, но он все еще открыт. Нет на планете человека, который может попросить Алекса уйти. Он сам всегда решает, чему открыться, чему закрыться.

Девушку, которая зашла сейчас в ресторан, зовут Нина. Она просто шла мимо. Увидела, что заведение еще открыто, – и вошла. Единственный посетитель смотрит на нее исподлобья, сидя на диванчике у стены.

Сонный бармен знает и Алекса, и Нину, но они друг друга не знают.

Он решает, что нужно их представить:

– Нина – это Алекс, Алекс – это Нина.

Хотя лицо Алекса кажется Нине знакомым, она ничего об этом ему не говорит. Просто присаживается напротив.

Они смотрят друг другу в глаза – долго и мучительно.

Нине ничего не остается, и она шепчет:

– Расскажи мне. Я хочу знать. Все хотят знать.

Алекс вздыхает, глотает минеральную воду.

– Все устроено так, – говорит он треснутым голосом, – колесо медленно крутится. Просто вертится. И существует тот, кто это видит, на это смотрит. Это и есть Бог. В этом его единственная функция – присматривать за вращением. Наблюдать души, что светят ему, словно звезды, с поверхности колеса. Все остальные боги и функции, которые им приписывают мировые религии и отдельные люди, – ложь и выдумка. Бог лишь тот, кто наблюдает за вращением колеса, которое никто не создавал, которое просто есть. Никакой конечной или промежуточной цели, никаких высших смыслов – ничего этого нет. Бог просто созерцает вечное вращение. Смерть физического существа для него – только маленький световой сполох, один из сотен миллионов. Смерть ничего не значит для Бога. Его взгляд на вращение колеса – вот что есть, что дано. Ни он сам, ни колесо, ни вращение – а именно взгляд запускает механизмы. И формирует все. Бог тот, кто смотрит, а процесс смотрения есть истина и последняя инстанция. Но стоит ему на секунду закрыть глаза… Ну вот. Теперь ты знаешь все.

Нина молчит. Знание истины не принесло ей никаких новых эмоций и чудесных озарений. Откровение навалилось легкой усталостью – только и всего.

Она закрывает глаза и пытается представить таинственное колесо… и то, как они бы могли жить вместе с этим симпатичным и умным мужчиной.

Она рисует в своем воображении, что он, может, политик, бизнесмен или знаменитый писатель. А она – его жена, любовница, подруга – кто угодно. Они живут, вгрызаясь в шоколадный торт бытия с каждым днем все глубже, – и нет им никаких преград…

И он… он пишет для нее рассказы. Или стихи? Нет, все же лучше рассказы. Стихи ведь для тех, кто еще не познал истину.

Алекс усмехается, смотрит на Нину снисходительно:

– Даже если все, что сейчас вертится в твоей милой головке, и может стать правдой, все равно тебе придется умереть. Это единственный неоспоримый факт. Все остальное – только фантазии.

Нина зевает. Ей хорошо. Тепло и уютно. Зевает и бармен у нее за спиной. Сегодня он точно не уйдет домой до утра.

Челюсть бармена стучит при зевке, и в голове Нины вдруг вспыхивают сотни воспоминаний из детства, юности и относительно недавнего времени. И когда она мысленно прощается с жизнью, потому что голову ее вот-вот разорвет, Алекс кладет ей на лоб свою ладонь со словами:

– Ничего, сейчас пройдет. В нашу историю мы возьмем и твои воспоминания. Когда он убьет тебя, они останутся со мной. Навсегда.